

Курьер

октябрь–декабрь 2025 года

ЮНЕСКО

Восстановление наследия: сохранить прошлое в будущем

- **Ирак:**
возрождение
Мосула
- **Новая Зеландия:**
Крайстчерч
залечивает раны
- **Уганда:**
захоронение под
покровительством
духов
- **Китай:**
восстановление
башни
Юндинмэнь

НАШ ГОСТЬ

Экономист
Кейт Рейворт:
«Нам нужно новое
видение прогресса»

Подпишитесь на бесплатную электронную версию журнала.

<https://courier.unesco.org/ru/subscribe>

Следите за нашими новостями
в социальных сетях

@unesco Courier

Читайте «Курьер ЮНЕСКО»
и расскажите о нем другим

Содействуйте распространению
и использованию журнала в
соответствии с принципом свободного
доступа к материалам Организации

2025 • № 4 • Издается с 1948 года

Ежеквартальный журнал «Курьер ЮНЕСКО» публикуется Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Издание призвано отстаивать идеалы ЮНЕСКО путем обмена идеями на темы международного значения, непосредственно связанные с мандатом Организации.

Директор: Маттье Гевель

Главный редактор: Аньес Бардон

Координатор редакции: Чэнь Сяожун

Ответственный секретарь редакции:

Катерина Маркелова

Младший сотрудник по связям с

общественностью: Летиция Каси

Редактор: Анулийна Саволайнен

Языковые версии:

• **Английский:** Анулийна Саволайнен
(редактор) и Джина Даблдэй (корректор)

• **Арабский:** Фатхи Бен Хадж Яхья

• **Испанский:** Лаура Бердехо

• **Китайский:** Чэнь Сяожун и Китайский дом
издательства и перевода

• **Русский:** ЮНЕСКО

• **Французский:** Аньес Бардон (редактор)
и Жан-Марк Делюжо (корректор)

Фоторедактор: Даница Биеяц

Координатор переводов: Элен Менанто

Ассистент по административным

и редакционным вопросам:

Пейла Марла Муссиру Буанга

Производство:

Эрик Фроже, главный помощник по
производству

Перевод: Марина Ярцева, Екатерина
Фламанд

Верстка: Жаклин Женсоллен-Блок

Иллюстрация на обложке:

© Sylvie Serprix

Печать: ЮНЕСКО

Стажер: Лян Сяохань, Сунь Ихэо

Совместные издания:

• **Каталонский:** Жан-Мишель Арменголь

• **Эсперанто:** Чэнь Цзи

«Курьер ЮНЕСКО» издается благодаря
поддержке Китайской Народной Республики.

Информация и права на воспроизведение:

courier@unesco.org

7, place de Fontenoy, 75352 Paris 07 SP, France

© UNESCO 2025 / ISSN 2220-2323 • e-ISSN 2220-2331

Журнал издается по принципу свободного доступа в рамках лицензии Attribution-ShareAlike 3.0 IGO (CC-BY-SA 3.0 IGO) (<http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/igo/>). Используя содержание настоящей публикации, пользователи соглашаются с условиями использования Репозитория открытого доступа ЮНЕСКО (<https://www.unesco.org/ru/open-access/cc-sa>). Указанная лицензия распространяется исключительно на текст публикации. Для использования иллюстраций требуется получение предварительного разрешения.

Использованные названия и представление материалов в данной публикации не являются выражением со стороны ЮНЕСКО какого-либо мнения относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или их соответствующих органов управления, равно как и линий разграничения или границ.

Идеи и мнения, выраженные авторами данной публикации, могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и не налагают на Организацию каких-либо обязательств.

Содержание

4

ШИРОКИЙ ОБЗОР

Восстановление наследия: сохранить прошлое в будущем

Наследие: зачем строить заново 5
Франка Мальсервиси

Возрождение Мосула 8
Зайна Дюфур

Крайстчерч залечивает раны 12
Чарльз Андерсон

Уганда: захоронение под покровительством духов 15
Интервью с Джонатаном Нсубуга

Новая жизнь Старого города Аль-Улы 18
Анулийна Саволайнен

Варшава: двусторонний подход к восстановлению 20
Адриен Сарла

Гватемала: город майя, возвращенный из забвения 22
Ана Лусия Мендисабаль Руис

Китай: восстановление башни Юндинмэнь 24
Лю Чжоу

26

ФОКУС

Возрожденная память о наследии Геррита Ритвельда 26

36

ИДЕИ

Искусственный интеллект: искусство на пороге новой эры? 36
Ахмед Эльгаммал

40

НАШ ГОСТЬ

«Нам нужно новое видение прогресса» 40
Интервью с Кейт Рейворт

44

НАГЛЯДНО

На пути к более экологичному ИИ 44

К читателям

Разрушенный город — это не только изуродованные здания, разграбленные музеи, вынужденно покинувшие свои дома люди и нарушенное течение жизни. Это еще и место, лишенное части своей самобытности и идентичности. Именно таким местом стал иракский Мосул во время оккупации ДАИШ с 2014 по 2017 год.

Практически сразу стало очевидно: чтобы вернуть город к жизни и снова превратить это «место соединения» — так переводится с арабского его название — в символ межкультурного диалога, нужно начать с восстановления зданий, среди которых в Старом городе было разрушено 80 %.

ЮНЕСКО смогла достичь этой цели в рамках инициативы «Возрождение духа Мосула» — амбициозного проекта, который, благодаря поддержке населения и международной помощи в размере 115 млн долларов, позволил поднять город из руин.

Впервые за всю свою историю ЮНЕСКО сама занялась восстановлением знаковых объектов наследия Мосула, включая мечеть Ан-Нури с минаретом Аль-Хадба и монастырь Ас-Саа'а. Были заново возведены исторические постройки, сотни школ вновь открыли свои двери.

Важной частью проекта стало восстановление культурной и интеллектуальной жизни, которая в этом городе, многовековом перекрестке различных цивилизаций, всегда была насыщенной. ЮНЕСКО оказала содействие в возрождении литературных и музыкальных фестивалей, открытии уличных кинотеатров и организации курсов технической и профессиональной подготовки для молодежи. Кроме того, в целях восстановления города для жителей Мосула было создано более 7000 рабочих мест.

Эта колоссальная работа наглядно демонстрирует, что международное сотрудничество способно сдвинуть горы, если оно выражается в конкретных проектах на благо общества. Полученный опыт — «метод Мосула» — сегодня служит источником вдохновения для других инициатив, от Ливана, где ЮНЕСКО помогла отремонтировать более 280 учебных заведений, до Украины, где мы содействуем защите наследия и обеспечению непрерывности образования, несмотря на военные действия.

Восстановление Мосула — это знак надежды. Оно подтверждает, что даже полное разрушение города отнюдь не означает его конец: всегда есть возможность возродить в нем жизнь.

Одрэ Азуле,
Генеральный директор ЮНЕСКО

Наследие: зачем строить заново

Восстановление означает приведение в прежнее состояние того, что было повреждено или разрушено. Однако этот термин не содержит информации о контексте, масштабах и причинах разрушения. И, самое главное, он ничего не говорит о том, что побуждает людей восстанавливать или заново возводить некоторые объекты их архитектурного наследия.

В дискуссиях о сохранении архитектурного наследия зачастую обходится стороной один важный вопрос: почему общества стремятся охранять определенные сооружения или архитектурные ансамбли? Между тем ответ на него должен интересовать нас каждый раз, когда объекту присваивается статус культурного наследия, подлежащего сохранению для будущих поколений.

Исторические периоды, в которые предпринимаются масштабные усилия по защите градостроительных объектов, становятся следствием осознания утраты элементов, считающихся неотъемлемой частью культуры, таких, например, как средневековые церкви или приусадебные участки на окраине мегаполисов. Присвоение охранного статуса — это реакция на стремительное ухудшение состояния или разрушение архитектурного наследия. Общества, которые раньше обустривали окружающее пространство преимущественно путем наслоения, то есть добавления новых элементов к уже существующим, претерпели глубокие изменения. Индустриализация, быстрая урбанизация и покидание прежних мест жизнедеятельности стали толчком к проведению целенаправленных мер по сохранению памятников прошлого. Главным образом объектами культурного наследия объявляются постройки, которым грозит уничтожение: так, в Европе понятие «индустриальное наследие» тесно

связано с деиндустриализацией, когда старые заводы стали забрасываться и подвергаться сносу.

Уверенность в будущем

Аналогично, большие волны восстановления памятников архитектуры следуют после войн и природных катастроф. Реконструкция, или воссоздание разрушенного сооружения, — процесс в корне положительный, поскольку он отражает уверенность в будущем и стремление компенсировать последствия травмирующего события. Но что именно имеют в виду, когда говорят о реконструкции? Под этим термином могут подразумеваться очень разные и трудно сопоставимые действия.

Нередко это широко употребляемое слово используется некорректно. Так, после пожара в соборе Парижской Богоматери в 2019 году журналисты, освещая масштабные реставрационные работы, иногда говорили о «реконструкции собора». К счастью для истории искусств и всех посетителей Нотр-Дама, реконструкция не требовалась. Основная часть здания, в частности его западный фасад, уцелела и продолжает свидетельствовать о таланте мастеров, оставивших на нем свой отпечаток за несколько веков его существования.

Итак, первый вопрос касается масштаба повреждений. Если разрушена большая часть здания, то восстановительные работы будут подобны возве-

“

Результат реконструкции всегда будет представлять собой новое сооружение со своей собственной жизнью, отличной от исчезнувшего памятника

дению новой постройки, в которой, по понятным причинам, будут воссозданы лишь некоторые аспекты разрушенного памятника: общие формы, общее расположение проемов и декоративных элементов.

Сходство между новым и изначальным сооружением будет зависеть от количества использованных повторно материалов, оставшихся от разрушенного строения, а также от точности и тщательности воспроизведения отделки и декора. При этом результат реконструкции, хотя он и может наделяться важным культурным, социальным, символическим значением и играть большую роль в жизни города, всегда будет представлять собой новое сооружение со своей собственной жизнью, отличной от исчезнувшего памятника. С момента

его возведения у него будет своя история адаптации и старения.

Вопрос времени

Существенное значение имеет и вопрос времени. Можно ли сравнивать восстановление Старого моста в Мостаре (Босния и Герцеговина), уничтоженного в 1993 году в ходе конфликта в бывшей Югославии и вновь построенного уже через несколько лет после трагедии, с реконструкцией церкви Фрауэнкирхе в Дрездене (Германия), завершённой в 2005 году через 60 лет после разрушения ее предшественницы? Доля горожан, которые непосредственно пережили травматичные события, и требования о возмещении утраты в этих двух примерах просто несопоставимы.

Еще один немаловажный временной аспект касается срока службы, ожидаемого от каждого типа сооружения, с учетом его строительства, эксплуатации, строительных приемов и назначения. Можно ли сравнивать жизненный цикл каменной крепости, возведенной на века, с глинобитным домом, требующим регулярного обслуживания, или модульным зданием, рассчитанным на

несколько десятков лет? Долговечность построек и их составляющих будет различаться в зависимости от периода возведения, методов строительства и от того, для каких целей они будут использоваться.

“

Если необходимые методы по-прежнему применяются, восстановление будет сопоставимо с ремонтом

При восстановлении зданий, пострадавших в результате стихийного бедствия или другого разрушительного явления, может возникнуть потребность в устранении самых различных последствий износа и в замене тех или иных элементов сооружения. В этой связи важным фактором является наличие соответствующих специалистов. Если

методы, при помощи которых был возведен памятник, по-прежнему активно применяются и аналогичные постройки продолжают строиться, восстановление будет сопоставимо с ремонтом. Совсем иначе будет обстоять дело, если для него потребуются материалы, декоративные элементы и структурные решения, переставшие использоваться уже несколько веков, как, например, в случае восстановления кровли, крытой асбидным сланцем, который в наши дни больше не добывается.

В этой ситуации мужчины и женщины, которые занимаются восстановлением, будут действовать, находясь в другой картине мира, другой эстетической и технологической плоскости. При этом очень часто прибегают к конструктивным решениям, отсутствовавшим в изначальной постройке. Так, при восстановлении ратуши в городе Аррас на севере Франции, разрушенной во время Первой мировой войны, была использована решетчатая конструкция из железобетона.

▼ Руины церкви Фрауэнкирхе (Дрезден, Германия), разрушенной в ходе бомбардировок в 1945 году во время Второй мировой войны. Фотография 1993 года.

© Jörg Schöner

Восстановление, реставрация, реконструкция: в чем разница?

Учет современных реалий

Важно помнить и о том, что восстановление осуществляется не изолированно от окружающего мира: памятник или архитектурный ансамбль является частью городского пейзажа и более широкого ландшафта. При реконструкции памятников необходимо принимать во внимание подчас противоречивые политические, стратегические, социальные и культурные процессы и реалии, такие, например, как редевелоппмент устаревших городских объектов, развитие туризма, движения за возрождение идентичности различных самобытных групп населения или требования о возвращении исконных земель. Но даже с учетом всех этих порой сложнейших явлений мы не должны забывать, что восстановленный памятник будет неизбежно отличаться от изначального, даже тогда, когда было сделано все возможное для его максимально точного воссоздания.

Как следует относиться к реконструкциям, этим «двойникам», призванным помочь местным общинам пережить трагические события? Хорошей отправной точкой могло бы стать признание того, что восстановленный памятник

представляет собой не замену утраченному, а компенсацию ущерба, нанесенного его утратами. Катастрофическое влияние, которое экономика экстрактивизма и расточительство невозобновляемых ресурсов оказывают сегодня на климат, заставляют нас задуматься еще кое о чем. В хвalebных речах, рассказывающих о том, какое количество

и планировка и, насколько это возможно, используются те же материалы. При чрезмерном повреждении элементы объекта заменяются на идентичные.

Реконструкция: 1) воссоздание утраченного объекта культурного наследия по историческим данным; 2) преобразование здания в целях его модернизации, повышения комфорта, адаптации к современным нормам, другому назначению, новым требованиям доступности и пожарной безопасности, с учетом и сохранением его архитектурного облика.

людских и материальных ресурсов было задействовано при восстановлении памятника, было бы крайне важно подчеркивать, что как минимум столько же усилий необходимо вкладывать в то, чтобы в восстановлении не было необходимости: в предотвращение войн, снижение риска бедствий и, например, сдерживание наводнений. ■

© tichr / Shutterstock

▼ Воссозданная камень за камнем церковь Фрауэнкирхе вновь открыла двери в 2005 году. На ее фасадах, построенных из новых каменных блоков, можно видеть и потемневшие от времени камни из первоначальной постройки.

Возрождение Мосула

Кампания ЮНЕСКО «Возрождение духа Мосула», которая может по праву считаться образцом городского восстановления, — это несравнимо больше, чем простая отстройка разрушенных зданий. Особое внимание в проекте уделялось возобновлению культурной жизни Мосула — важной части этого иракского города, пострадавшего после трех лет оккупации ДАИШ.

Узкие улочки Мосула вновь ожили. Аромат специй снова смешивается со звоном церковных колоколов и призывами к началу молитвы, которые органично вплетаются в многовековой голос города. Сегодня, восемь лет спустя после окончания боевых действий, город является символом восстановления, жизнестойкости и надежды — и во многом благодаря своему наследию.

Мосул, расположенный в северной части Ирака на реке Тигр, на территории древней Месопотамии, переживает сложный период постконфликтного восстановления. Свое название, которое с арабского переводится как «место соединения» (*Al-Mawasil*), город получил неспроста: он служил важным перекрестком культур, религий и торговых путей и был символом мирного сосуществования различных народов. Его церкви, мечети и многовековые постройки молчаливо свидетельствовали об этом хрупком равновесии и о гармонии, отличающих этот город на протяжении многих поколений.

Однако в период с 2014 по 2017 год это равновесие было жестоко нарушено. Вследствие нападения ДАИШ и военных операций 80 % Старого города было превращено в руины. Знаменитый мина-

рет Аль-Хадба был разрушен, святые места — осквернены, опустели целые кварталы. После освобождения Мосула перед городом встали непростые вопросы о сохранении его культурной идентичности и примирении.

Возродить дух города

Желая оказать городу поддержку, в феврале 2018 года ЮНЕСКО объявила о начале амбициозной кампании «Возрождение духа Мосула», представляющей собой не просто проект восстановления города, а стратегическую модель примирения, укрепления мира и культурной дипломатии. Эта инициатива, в рамках которой наследие было положено в основу постконфликтного восстановления, также направлена на содействие социальной сплоченности, борьбу против насильственного экстремизма и возвращение городу его самобытного характера как перекрестка культур.

«Восстановление наследия Мосула — это возрождение духа города», — заявила Генеральный директор ЮНЕСКО Одрэ Азуле на презентации кампании в 2018 году, подчеркнув, что она видит в восстановлении не только способ заново отстроить здания, но и проявление культурной жизнестойкости и важный фактор исцеления общества.

Ибо жители Мосула восстанавливают не только превращенные в руины дома: они восстанавливают самих себя, свою историю и свое место в этом мире. Они показывают всем, что и на пепелище разрушений можно построить будущее. Для Нажат Абдель Азиз возвращение в ее отремонтированный дом в Старом городе значило гораздо больше, чем

просто вновь оказаться в привычном месте. «Я счастлива, что могу снова жить в своем доме. Каждый уголок здесь полон воспоминаний. Восстановление наших домов побуждает местных жителей возвращаться сюда и вселяет в них надежду», — улыбается она.

Ее воодушевление разделяет и Мустафа Халид, который в рамках проекта ЮНЕСКО работал прорабом на реконструкции мечети Ан-Нури. «Возрождая дух нашего города, мы заново пишем свою историю, — утверждает он. — С помощью кирпичей, а также чувства единения и нашей непоколебимой жизнестойкости мы строим будущее, достойное нашего прошлого».

Инвестируя в образование и сохранение объектов материальной культуры, ЮНЕСКО расширила понятие наследия, выведя его далеко за рамки одной лишь охраны зданий. В этом отношении важным компонентом проекта с первых дней его реализации и залогом его долгосрочного успеха стало привлечение местного населения. Ценность такого подхода понимает и один из основателей Книжного форума Мосула Харит Ясин Абдулкадер. «Восстановления памятников и инфраструктуры недостаточно — нам также нужно восстановить дух города и душевное состояние его жителей», — заявил он в ходе выступления в штаб-квартире ЮНЕСКО в 2019 году.

Знаковые достопримечательности

В рамках инициативы «Возрождение духа Мосула» приоритетное внимание уделялось восстановлению таких знаковых мест, как мечеть Ан-Нури и ее знаменитый наклонный минарет Аль-Хадба, →

**Жители Мосула
восстанавливают
не только дома: они
восстанавливают
самих себя**

▼ Общественный
информационный центр,
который ЮНЕСКО открыла в
Мосуле в 2022 году, проводит
культурные и образовательные
мероприятия.

монастырь при церкви Чудотворной Девы (Ас-Саа'а) и сирийская католическая церковь Ат-Тахера. Кроме того, были восстановлены 124 исторических здания. Этот проект, на осуществление которого 15 международных партнеров, в частности ОАЭ и Европейский союз, выделили 115 млн долларов, подчеркнул значимость как международной финансовой поддержки, так и культурной дипломатии, результатом которой стала переплавка колоколов церкви Ас-Саа'а в Нормандии (Франция) и церкви Ат-Тахера в Италии.

Помимо международного сотрудничества ключевым элементом кампании было участие местного населения, которое привлекалось на всех стадиях восстановления города и его памятников. Особое внимание было уделено реконструкции знаменитого минарета Аль-Хадба. Жители Мосула выразили единодушное желание воссоздать его «в первозданном виде». Строительство нового минарета с характерным наклонным башни, из кирпичей и традиционных материалов и по старинной технологии, не использовавшейся уже несколько веков, можно считать настоящим архитектурным подвигом.

Для осуществления восстановительных работ в рамках кампании было создано более 7000 рабочих мест для мосульских ремесленников и инженеров, что позволило местным общинам приобрести технические знания и умения, необходимые для долгосрочного сохранения наследия.

© UNESCO / Luay Al Zrare

▼ Восстановление наклонного минарета Аль-Хадба.

Новые открытия

Кроме того, благодаря этой инициативе была сделана находка, ранее не упоминавшаяся в известных исторических документах. Во время раскопок в 2021 году под молельным залом мечети Ан-Нури были обнаружены остатки мечети XII века, а именно четыре помещения из камня с гипсовой отделкой. Это открытие ставит под вопрос

линейные нарративы о разрушении, свидетельствует о сосуществовании различных исторических пластов и приносит новые элементы в идентичность города.

«Это чудо, что памятник, столько лет хранившийся под землей, избежал намеренного разрушения, от которого пострадал наш город, — радуется житель Мосула Мохамед Салах. — Мы многое потеряли, но я надеюсь, что впереди нас ждет лучшее».

Серьезный ущерб в 2017 году был нанесен и церкви Ат-Тахера, возведенной в период с 1859 по 1862 год. С целью ее восстановления традиционными методами была проведена большая исследовательская работа по определению различных этапов отделки церкви. Тщательная реставрация алебастровых поверхностей позволила восстановить оригинальные цветочные узоры. При поддержке ЮНЕСКО 13 студентов из Мосульского университета, треть из которых — женщины, прошли подготовку по вопросам реставрации.

Большую роль в постконфликтном восстановлении Мосула сыграло и возрождение образовательных учреж-

© UNESCO / Luay Al Zrare

▼ Монастырь Ас-Саа'а после восстановления.

дений. После капитального ремонта открыла двери 31 школа, и более 400 классных комнат снова готовы принимать детей. Кроме того, в сотрудничестве с местными университетами реализуются программы в области сохранения наследия, включая обучение студентов Мосульского университета. Их цель — воспитать поколение, для которого книги и наследие являются мостиками к миру.

Знаменитый наклонный минарет Аль-Хадба был восстановлен «в первозданном виде»

Еще одним мощным рычагом примирения и исцеления коллективной травмы стала культурная жизнь. Книжные ярмарки, кинотеатры под открытым небом и музыкальные представления вновь заняли важное место в общественном пространстве города. «Вернув в Мосул музыку, мы возвращаем жизнь», — убежден скрипач Эхсан Акрам Аль Хабиб. Частью деятельности по культурному возрождению Мосула стало открытие Кинолаборатории при Институте изящных искусств, где 20 студентов прошли курс по кинопроизводству и сняли девять короткометражных фильмов. В июне 2021 года также открыла двери «Станция» — творческий центр, где начинающие артисты и художники могут работать вместе, получать новые знания и организовывать концерты и выставки.

Уроки на будущее

Многое уже было достигнуто, но работа еще не окончена. Городу еще предстоит преодолеть ряд препятствий технического, экономического и психологического характера. Однако жители Мосула полны решимости продолжать начатое дело.

Работа по возрождению Мосула позволила вынести ценные уроки на будущее. Она показала, что наследие

может быть важным фактором восстановления, даже там, где от конфликта пострадали не только здания, но и все общество. Она подняла сложные вопросы, касающиеся этики реконструкции, коллективной памяти и возможности превратить нанесенную разрушениями травму в фундамент для построения будущего на принципах инклюзивности и плюрализма. Мосул стал наглядным примером того, что в постконфликтных ситуациях культура может содействовать сплочению общества и долгосрочному развитию.

За все время своего существования ЮНЕСКО реализовала целый ряд проектов в области восстановления, и возрождение Мосула занимает среди них особое место. Кампания 1960-х годов по спасению нубийских храмов в

Флагманские проекты ЮНЕСКО по спасению культурного наследия

Международная кампания по спасению памятников Нубии, начавшаяся в 1960 году, стала первой из целого ряда проектов ЮНЕСКО по сохранению и восстановлению объектов культурного наследия. Нубия, область на границе Египта и Судана, где находится множество археологических памятников, оказалась в зоне затопления будущей Асуанской плотины. За 20 лет кампании с участием 40 команд с пяти континентов на новое место было перенесено 22 архитектурных ансамбля и сооружения, включая знаменитый храм Абу-Симбел и храм с острова Филы.

Второй масштабной операцией ЮНЕСКО по сохранению наследия стала Международная кампания по спасению Венеции, толчком для которой стал серьезный ущерб, нанесенный городу в результате сильного наводнения 1966 года. В 1972 году начался сбор средств для еще одного крупного проекта — реставрации храмового комплекса Боробудур в Индонезии. Сотни лет этот буддийский храм, возведенный в VIII–IX веках, оставался заброшенным, пока его вновь не обнаружили в XIX веке. Реставрационные работы завершились в 1983 году.

В 1994 году начал осуществляться проект по консервации храма Байон в Ангкор-Тхоме (Камбоджа), позволивший отреставрировать и укрепить одно из наиболее внушительных сооружений среди объектов всемирного наследия Ангкора. Другой важной вехой в деле охраны наследия стала целостная реконструкция Старого моста в Мостаре (Босния и Герцеговина), разрушенного во время конфликта в бывшей Югославии. Его восстановление с использованием строительных приемов XVI века продолжалось с 1999 по 2004 год.

В число недавних проектов по сохранению культурного наследия, осуществленных под эгидой ЮНЕСКО, вошло восстановление мавзолеев в Томбукту (Мали), уничтоженных вооруженными группировками в 2012 году. Воссоздание этого объекта всемирного наследия завершилось в 2015 году. Этот случай также стал одним из первых в истории, когда разрушение объекта наследия было признано военным преступлением и рассмотрено в суде. Таким образом, защита культурного наследия является неотъемлемой частью усилий по поддержанию мира.

Египте, в ходе которой было аккуратно разобрано, блок за блоком перемещено на новое место и вновь возведено несколько монументальных сооружений, остается одной из наиболее выдающихся инженерно-архитектурных операций в мире. Работа по сохранению храмового комплекса Ангкор-Ват в Камбодже дала толчок разработке нормативных рамок, регулирующих международное сотрудничество в области культуры и способствующих объединению наций на всех континентах. В свою очередь, в Старом городе Мосула восстановление знаковых мест отправления культа различных конфессий в интересах всех местных общин и их общего наследия стало не просто величайшим архитектурным достижением, но и важным символическим актом. ■

Крайстчерч залечивает раны

Землетрясения 2010–2011 годов нанесли второму крупнейшему городу Новой Зеландии серьезный ущерб, но не сломили его дух. Разрушенные кварталы были отстроены заново с применением инновационных сейсмостойких технологий, которые с тех пор используются в строительстве регулярно, а коллективная травма стала мощным толчком к творчеству для местных жителей.

Тихим серым зимним утром город Крайстчерч, расположенный на юге Новой Зеландии на реке Эйвон, неспешно просыпается. Кажется, что время здесь остановилось и ничто не может нарушить покой этого с первого взгляда ничем не примечательного места. Но если присмотреться, вы увидите в Отаути — так город называется на языке маори — многочисленные следы трагедии, произошедшей 14 лет назад: огороженные здания, заброшенные районы, старые фасады, восстановленные со смешанным успехом.

22 февраля 2011 года на этот город, чье население на тот момент составляло

350 000 человек, обрушилось землетрясение магнитудой 6,3 балла по шкале Рихтера. Ввиду небольшой глубины его очага и близости к центру города его последствия стали катастрофическими. Оно унесло жизни 185 человек и практически сравняло с землей центральный деловой район, не выдержавший очередного удара: несколькими месяцами ранее, 4 сентября 2010 года, Крайстчерч уже пережил сильные подземные толчки.

Аманда Оуз, старший советник по наследию при Муниципальном совете Крайстчерча, помнит все как вчера. Она, на шестом месяце беременности, находилась на подземном этаже торгового центра, когда вдруг погас свет. Не успела

она выбраться на улицу, как произошел мощный толчок. «Красивые старинные здания, парапеты, кирпичные стены — все рухнуло».

Целые кварталы утонули в жидкой грязи, став непригодными для жизни. Целые микрорайоны, получившие статус «красной зоны» еще после первой катастрофы, были закрыты и постепенно снесены. Большой урон был нанесен архитектурному наследию города. Согласно исследованию, проведенному ИКОМОС и ИККРОМ в 2021 году, Крайстчерч лишился 204 из 588 архитектурных памятников. В центре города было разрушено 44 % исторических зданий.

Разбитая мечта

Крайстчерч, с его аккуратными каменными домами вдоль ровно расчерченных улиц по обе стороны реки Эйвон, воплотил в себе мечту переселенцев воссоздать частичку Англии в южной части Тихого океана. Архитектура города отразила в себе их историческое наследие: церкви в неоготическом стиле, театры с каменными фасадами, кирпичные торговые постройки. Однако архитекторы не учли сейсмическую активность местности, не подозревая, что поселе-

▼ Дизайнер Пиппин Райт-Стой и НКО Gap Filler, основанная после землетрясения 2010 года, создали эти временные сооружения в парке «Рауора» в рамках проекта по оживлению общественных мест Крайстчерча.

© Sara Hughes

▼ Фрагмент инсталляции «Стена флагов» (Flag Wall, 2014–2018), созданной новозеландской художницей Сарой Хьюз по заказу Муниципального совета Крайстчерча и приуроченной к открытию восстановленной Кафедральной площади, центральной площади города. Компоненты инсталляции напоминают о черепице на крыше собора.

ние находится в трудно определяемой зоне разлома земной коры.

«У нас был перечень зданий, находящихся в зоне риска, но пока мы не пережили настоящее землетрясение и не увидели его реальных последствий, угроза казалась нам лишь гипотетической», — рассказывает Аманда Оуз.

Плана по защите архитектурного наследия в экстренных ситуациях разработано не было, и большинство строений в центре города не устояло. «Сначала нас охватило отчаяние, — признает Аманда Оуз, — но нам нужно было взять себя в руки: вы не можете работать в этой сфере, если теряете самообладание каждый раз, когда рушится здание». На следующий день после землетрясения городские власти обратились к экспертам по наследию с просьбой из более тысячи сооружений выбрать 20 объектов, подлежащих сохранению в приоритетном порядке.

Правительство передало этот вопрос новому учреждению, имеющему более широкие полномочия и централизованный план действий. Параллельно с этим местных жителей попросили представить свое видение будущего города,

и на основе 100 000 предложений был разработан план. По словам историка архитектуры Джессики Холлидей, эта инициатива вызвала живой отклик населения. «Стало очевидно, насколько жители привязаны к зданиям, которые окружали их всю жизнь», — объясняет она, сожалея лишь, что в первую очередь средства были направлены на приоритетные памятники, иногда в ущерб менее примечательным объектам наследия.

Новые технологии

Восстановление после разрушений такого масштаба требует времени — а также миллиардов долларов. Строительство, которое пришлось проводить в несколько этапов, осуществлялось с использованием различных подходов, причем иногда они сочетались. Неоготическая церковь Нокса, Исаакиевский королевский театр в эдвардианском стиле и фасады магазина *McKenzie & Willis* объединяют в своем облике элементы прошлого и футуризма. Часть этих зданий была восстановлена в стиле утраченных памятников, другая — выполнена с применением кардинально новых

“

**Крайстчерч
лишился 204 из
588 архитектурных
памятников**

структурных решений, обеспечивая им устойчивость к будущим вызовам стихии.

Из опыта трагедий 2010 и 2011 годов были вынесены уроки. Важное место в восстановлении Крайстчерча заняли инновационные сейсмостойкие технологии. Новые здания зачастую оснащаются системами сейсмоизоляции фундамента (гигантскими амортизаторами, снижающими воздействие подземных толчков) и различными устройствами для гашения сейсмических колебаний. Стали широко применяться и несущие конструкции из дерева и стали — легких и ударопрочных материалов, которые при сильных сейсмонагрузках способны деформироваться, не трескаясь.

Альтернативные городские пространства

Однако для возрождения недостаточно возвести новые стены. Желая помочь своему городу в процессе восстановления и вдохнуть новую жизнь в разрушенные районы местные жители, общественные объединения, художники и архитекторы обратились к своему творческому потенциалу. Опустевшие территории между зданиями превратились в площадки для экспериментов с новыми формами урбанизма. Так, в рамках проекта *Greening the Rubble*, основанного в сентябре 2010 года после первого землетрясения, были созданы временные парки и скверы с учетом принципов городской экологии. Другой пример — НКО *Gap Filler*, возникшая спонтанно в ответ на трагедию. По ее инициативе в Крайстчерче стартовал ряд проектов по превращению пустырей в общественные пространства, включая кинотеатр, где зрителям нужно крутить педали для производства нужного для показа фильма электричества, мобильные кафе и автостоянку, доходы с которой идут на финансирование районных проектов. Цель этой организации — не в осуществлении крупных инициатив, а в поощре-

нии локальных проектов, интересных местному населению.

«Мы с самого начала поставили перед собой задачу по созданию пространств, воплощающих в себе альтернативные ценности, чтобы люди могли прикоснуться к ним на практике и захотели видеть больше подобных проектов в своем городе», — рассказывает один из учредителей *Gap Filler* Райан Рейнольдс.

Традиции маори

В процессе возрождения города больше внимания стало уделяться культуре маори. Градостроители пригласили к сотрудничеству местное племя Нгаи Туахурири (Нгаи Таху), чтобы отразить в общественных местах, например на площади Виктории и на набережных реки Эйвон (Те Папа Отакаро на языке маори), традиции и историю этого народа. Теперь на этой площади вновь возвышается отреставрированная традиционная 6-метровая скульптура пупу с резным узором, изображающим сбор урожая и прародителей племени Нгаи Таху, а парк на реке Эйвон украшает серия из 13 плиточных узоров *Whāriki*, символизирующих различные этапы церемонии

“

Осознав масштабы утраченного, мы стали еще больше ценить свое наследие

приветствия маори и отражающих их культурные ценности. До землетрясения такого рода объекты отсутствовали или были незаметны широкой публике.

Аманда Оуз считает, что трагедия позволила людям увидеть, что действительно важно. «Местные жители поняли, какое значение имеет для них историческое наследие. Наша история — это то, что связывает нас с этим местом, с нашей культурой, друг с другом. Осознав масштабы утраченного, мы стали еще больше ценить свое наследие».

Райан Рейнольдс из *Gap Filler* также верит, что пережитая травма укрепила жизнестойкость местного сообщества: «Можно потерять все, но если вы сохранили воображение, вы сможете все начать сначала». ■

▼ Пупу, шестиметровая скульптура маори. После землетрясения она была снята для реставрации, а после восстановления квартала была вновь установлена на площади Виктории.

Уганда: захоронение под покровительством духов

Угандийский архитектор Джонатан Нсубуга принял участие в восстановлении Захоронения королей Буганды, расположенного в центре страны и пострадавшего от пожара в 2010 году. В ходе воссоздания этого объекта, полностью выполненного из традиционных материалов, пришлось преодолеть целый ряд препятствий. Большое внимание при этом уделялось духовной составляющей священного места, служащего для общения с духами.

Конструкция здания, носящего название «Музибу-Азала-Мпанга», представляет собой выдающийся образец традиционного угандийского зодчества. В чем его уникальность?

Объект «Захоронение королей Буганды» включает в себя несколько построек: дом сторожа, здание круглой формы, служащее для хранения барабанов, и дома супруг покойных королей. «Музибу-Азала-Мпанга» — это главное и самое примечательное здание комплекса.

Благодаря своим размерам, архитектурным особенностям, природным материалам, из которых оно построено, и уровню ремесленного мастерства оно является бесспорным шедевром угандийского зодчества. Однако для жителей региона прежде всего важен его духовный характер. В «Музибу-Азала-Мпанга» захоронены четыре правителя Буганды, именуемые «кабака». Для нас это место общения с миром духов.

По древнему обычаю после рождения король присоединяется к клану своей матери. По этой причине все жители Буганды чувствуют тесную связь с королевством. Король принадлежит всем, потому что исторически все кланы связаны с «кабака» кровными узами. Это часть нематериальной культуры нашей страны, ее извечной истории.

По традиции этим местом заведуют наследные жены королей. Вечером, после 18 часов, входить на его территорию мужчинам запрещено. Женщины являются движущей силой королевства, они олицетворяют собой преемственность поколений. Они же ухаживают за украшенными статуями правителей, называемыми «близнецы», внутри которых хранятся пуповины покойных королей.

“
**Трагедия привлекла
внимание
местных жителей
к ценностям,
воплощенным в этом
комплексе**

Как сильно объект пострадал от пожара в 2010 году?

Сами гробницы не пострадали, однако остальная часть главного здания сгорела. Это стало для нас настоящей драмой. Люди больше не могли совершать здесь ритуалы и церемонии, что привело к образованию духовной пустоты. Кроме того, исчез источник дохода от посещений объекта туристами.

Таким образом, пожар причинил значительный ущерб, но он возродил интерес молодого поколения к «кабака».

В этом положительная сторона трагедии: она привлекла внимание местных жителей к ценностям, воплощенным в этом комплексе, и поставила перед ними конкретные вопросы: кто и почему должен совершать ритуалы, кто должен отвечать за убранство помещений, где взять древесину для реконструкции. Все это свидетельствует о том, что комплекс представляет собой живое, динамичное место, а не сугубо музейный объект.

Здания комплекса построены из традиционных материалов, таких как древесина, солома, тростник и штукатурка. Насколько сложно было возводить их заново с точки зрения доступности ресурсов и технологий?

Изменение климата отразилось на состоянии болот, озер и других водоемов, откуда поступила большая часть растительных материалов, использовавшихся для возведения изначальных построек. Солома для кровли была собрана на соседних полях, однако многие из них сегодня полями не являются, и нам пришлось заказывать солому в других областях Уганды. ➔

Тростник также прибыл из других мест. Найти подходящую древесину тоже было непросто. Кровельные балки выполнены из твердой породы дерева, редкого и охраняемого ресурса, а для опорных столбов использовался особый, очень прочный вид древесины, который не могут источить муравьи.

В результате реконструкция этого объекта также стала толчком к принятию мер по охране наших лугов и водно-болотных угодий, необходимых для производства традиционных строительных материалов. Отдельной проблемой было найти мастеров с нужными навыками.

Как осуществляется реконструкция мест, играющих столь большую роль в духовной жизни людей?

Мы построили сооружение заново, опираясь на старые фотографии со всего мира. В целях обеспечения целостности объекта также были обнаружены и отреставрированы поврежденные элементы наследия. Здание для меня подобно сосуду. В воссоздании его физических компонентов нет смысла, если не брать в расчет его духовную составляющую.

Я лично прикоснулся к духовности этого места. Например, я советовался с медиумом — духовным представителем священных зданий и посредником между людьми и душами усопших королей, — чтобы получать указания относительно дальнейших действий. Мы также обсуждали, сколько столбов нужно установить в главном здании, — каждый столб символизирует тот или иной клан.

Думаю, что в реализации этого проекта мне очень помогло то, что мне одновременно знакомы и местная культура, и нормы и требования международных учреждений. До учебы в Великобритании я часто бывал здесь по выходным. К тому моменту, как здание сгорело, я уже очень хорошо его знал. Кроме того, когда возникали разногласия, я понимал язык местных жителей.

Как местное население участвовало в восстановлении?

Местные жители проводили на объекте собрания, обменивались информацией, делились своим мнением. Они также приходили сюда с проверкой. Это их проект — я лишь исполнитель. Жены, на которых возложено совершение ритуалов, сыграли важную роль в предоставлении моральной поддержки.

Мы также организовали для молодых людей учебные курсы, чтобы они могли работать на строительстве. Последняя реставрация здесь проводилась в 1938 году, и несколько мужчин, которые в ней участвовали, еще живы и смогли поделиться с молодежью своим опытом. Во избежание подобных трагедий в будущем в рамках комплексной противопожарной подготовки мы также обучаем соседей, охраняющий персонал объекта и сотрудников полиции, чтобы они были полностью готовы реагировать в случае нового пожара.

Какова ситуация на этом объекте наследия сегодня?

Сейчас, спустя 15 лет после пожара, захоронение вновь посещают туристы.

Среди посетителей были также президенты и короли. Но наша работа еще не окончена. В ближайшие месяцы должно состояться официальное открытие главного здания, и сейчас мы исправляем и дорабатываем некоторые детали.

Я чувствую, что на меня смотрит весь мир в надежде, что я найду правильный подход к этому объекту и он будет спасен. И хотя работа подчас крайне напряженная, все были чрезвычайно рады, когда в 2023 году он был исключен из Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой. ■

“
**Мы построили
сооружение заново,
опираясь на старые
фотографии
со всего мира**”

Восстановление после пожара 2010 года

Захоронение королей Буганды в Касуби, внесенное в Список всемирного наследия в 2001 году, расположено на холме Касуби в округе Кампала (Уганда) и занимает площадь около 30 га. Большая часть объекта используется для традиционного сельского хозяйства. В центре, на вершине холма, находится бывший дворец правителей («кабака») Буганды, построенный в 1882 году и превращенный в королевскую усыпальницу в 1884 году.

Главное здание «Музибу-Азала-Мпанга», в котором размещены четыре королевские гробницы, имеет круглую форму и увенчано куполом. Этот выдающийся архитектурный памятник, выполненный из таких природных материалов,

как дерево, солома и тростник, является для народа Буганды важным духовным центром, где по сей день совершаются ритуалы.

16 марта 2010 года захоронение серьезно пострадало от пожара, вследствие чего в том же году Комитет всемирного наследия включил его в Список объектов, находящихся под угрозой. Благодаря этой мере был разработан план восстановления, осуществленный властями Уганды в тесном сотрудничестве с ЮНЕСКО и при финансовой поддержке мирового сообщества. Эти усилия принесли свои плоды, и в 2023 году объект был исключен из Списка всемирного наследия под угрозой.

▼ Местные жители проходят курсы по пожарной безопасности на объекте «Захоронение королей Буганды», входящем в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

▼ Мастера укрепляют соломенную крышу одного из зданий комплекса кольцами из тростника.

Новая жизнь Старого города Аль-Улы

После того как в 1980-е годы жители оазиса Аль-Ула в Саудовской Аравии покинули свои дома в Ад-Дейре (Старом городе), состояние глиняных построек быстро ухудшилось. Масштабные реставрационные работы, в ходе которых применялись местные материалы и традиционные знания, позволили возродить этот исторический квартал.

Когда оазис Аль-Ула, лежащий на северо-западе Саудовской Аравии примерно в 400 км от Медины, погружается в сумерки и жара начинает спадать, местные жители и приезжие заполняют узкие улочки Ад-Дейры, Старого города. На Рыночной улице, открытой для посетителей в 2021 году, традиционные мужские рубахи-таубы и женские платья-абайи соседствуют на прилавках с джинсами и панамами для туристов, которым принятая в 2019 году новая процедура выдачи виз облегчила проезд в страну. С тех пор число посетителей Аль-Улы, приезжающих сюда в основном, чтобы увидеть расположенный в двух десятках километров от Старого города археологический комплекс Хегра, существенно возросло.

Оазис Аль-Ула — полоса зелени в пустынной долине вади, куда вода

стекает лишь после редких ливней, — издревле служил перекрестком торговых и паломнических путей. В XII веке здесь был основан город. Долгое время он оставался процветающим центром торговли, на улицах которого кипела жизнь. Однако в 1980-е годы лабиринт переулков и сообщающихся домов опустел: оборудовать традиционные глиняные постройки современными удобствами оказалось слишком трудно, и местные жители постепенно переселились в новые районы на окраине современного города.

Жизнь начала возвращаться в Ад-Дейру в 2017 году с учреждением Королевской комиссии по Аль-Уле (*Royal Commission of AlUla, RCU*), которой было поручено разработать программу устойчивого развития региона. «Когда я приехал сюда, Старый город представлял

собой труднопроходимые развалины, — вспоминает главный специалист по культурному наследию RCU Кирк Робертс, который начал работать в Комиссии в 2020 году. — Сейчас же в пятницу и субботу вечером здесь очень людно».

Воспоминания местных жителей

Изначально предполагалось восстановить ряд домов, две мечети и две главные улицы. На сегодняшний день было отреставрировано около 250 домов, а некоторые из них были перепрофилированы и превратились в новые общественные и культурные пространства: эко-отель, уютные рестораны с приглушенным светом, художественные галереи и магазины кустарных изделий.

В целях сохранения самобытного характера этого места преимущество при реставрации отдавалось местным материалам и традиционным ремеслам. Несущие конструкции построек были выполнены из стволов тамарикса и пальм, для потолков использовались плетеные панели из пальмовых листьев, а глиняные кирпичи для стен были изготовлены по старинной технологии. Кроме того, архитекторы стремились максимально обеспечить естественную вентиляцию помещений, чтобы снизить потребность в энергозатратных кондиционерах.

▼ Глиняные постройки в Старом городе Аль-Улы после реставрации.

© UNESCO / Anuuliina Savolainen

▼ Рабочие восстанавливают стены вокруг участков рядом со Старым городом, издревле использовавшихся в оазисе для ведения сельского хозяйства, 2025 г.

В команду, работающую над реставрацией Ад-Дейры, вошла архитектор, преподаватель и специалист по экодизайну Нура Габра из Саудовской Аравии, которая обратилась к коллективной памяти местных жителей, чтобы расширить свои знания. «Народное зодчество любого региона может многому научить нас в том, что касается устойчивости к воздействию климата. В Аль-Уле большое значение имеет человеческий фактор: дома здесь построены из глины, живого материала, который требует регулярного ухода. А для этого дому нужны жильцы», — объясняет она.

Нура Габра стала участницей программы стипендий ЮНЕСКО/Института Королевства, в рамках которой специалистам в области наследия предоставляется возможность совместить работу на местах с обучением. «Как только я приехала в Аль-Улу, я обратилась к старожилам, которые еще помнили о том, как ухаживать за местными постройками», — вспоминает она.

Их рассказы помогли ей получить более точное представление о традиционных методах строительства: «Они не только строили из местных материалов, но и ежегодно подновляли свои дома, обмазывая их глиной со своих земельных участков».

Многие постройки Старого города оборудованы тайярой — надземным проходом, связывающим их с соседними домами. Нура Габра считает эти сооружения гениальным решением с точки зрения регулирования температуры: «Они затеняют улицу и создают воздушную тягу, способствуя естественной вентиляции».

Устные традиции

В сердце Старого города находится экологичный гостиничный комплекс *Dar Tantora*, признанный образцовой моделью устойчивого адаптивного повторного использования. Для его создания архитектор из Египта Шахира Фахми преобразила 30 исторических построек, а местные художники оформили интерьер в традиционном стиле. По вечерам улочки на территории комплекса освещаются свечами, что позволяет снизить световое загрязнение. Потребление электричества намеренно сведено к минимуму.

О прошлом Аль-Улы рассказывают и археологические находки, среди которых надписи на камнях возрастом более двух тысяч лет, старинная школьная тетрадь, кожаная сумка и плетеная корзина. Эти остатки материальной культуры, связывающие воедино нити истории, вплетаются в сильные устные традиции этой местности. Их возрождение также является целью проекта по развитию Аль-Улы, в рамках которого внимание уделяется не только архитектурному, но и нематериальному наследию оазиса.

Ахмед Алимам, чьи предки на протяжении многих поколений исполняли в общине роль судей, говорит, показывая на возвышающуюся над Старым городом скалу: «Когда я был ребенком, я часто забирался туда, чтобы взглянуть на надпись, выдолбленную в скале моим прапрадедом».

Пятнадцать лет назад Ахмед основал в Аль-Уле туристическое агентство и стал одним из первых рави («сказителей» по-арабски), которые сегодня зна-

Проводники по культуре Аль-Улы

Благодаря проекту по развитию Аль-Улы жизнь возрождается не только в Старом городе, но и во всем оазисе. Между citrusовыми деревьями, пальмами и небольшими, но утопающими в зелени садовыми участками можно видеть рабочих, укладывающих глиняные кирпичи, чтобы укрепить стены старых домов. Желающим предлагаются мастер-классы по экологичному садоводству, где можно познакомиться с традиционными методами земледелия и орошения. В будущем в оазисе планируется открыть центр местного устойчивого сельского хозяйства, проектирование которого было поручено лауреату Притцкерской премии 2022 года буркнийскому архитектору Дьебедо Франсису Кере.

На данный момент уже несколько десятков молодых людей, более половины из которых — девушки, получили профессию рави — настоящих проводников по культуре Аль-Улы. Они делятся своими знаниями с туристами со всего света, которых с каждым годом становится все больше.

Начиная с 2018 года в Старом городе Аль-Улы ежегодно проходит фестиваль «Зима на Танторе», на котором можно увидеть спектакли и художественные инсталляции, принять участие в экскурсиях и кулинарных мероприятиях. На фестивале 2025–2026 года ЮНЕСКО совместно с RCU даст старт новому мероприятию под названием «Живой музей» (*Live Museum*). Представляя гостям оазиса местные обычаи и предметы, рави возрождают древние традиции и пишут новую главу в истории Аль-Улы. ■

Варшава: двусторонний подход к восстановлению

Восстановление польской столицы, почти полностью превращенной в руины во время Второй мировой войны, опиралось на нестандартный подход, сочетающий в себе частичное воссоздание старого и модернизацию. Успех и небывалые темпы этого масштабного предприятия во многом объясняются политическим контекстом и вовлеченностью местного населения.

Усыпанный обломками зданий участок в несколько десятков квадратных километров — так выглядит Варшава с высоты птичьего полета на черно-белом снимке, выставленном в Музее Варшавского восстания. Глядя на него, невозможно даже представить, что раньше на месте этой груды развалин возвышался город, когда-то называемый «Северным Парижем». В конце 1944 года от польской столицы не оставалось почти ничего: в отместку за двухмесячное восстание варшавцев фашистские войска постарались стереть ее с лица земли. Когда 17 января 1945 года в город вошла Красная армия, ее встретили лишь погребенные под завалами пустынные улицы.

«Большая часть города лежала в руинах, исторический центр был практически целиком уничтожен», — рассказывает историк и преподаватель Варшавского университета Блажей Бжостек. Был разрушен и Королевский замок — резиденция президента и национальный символ Польши. Однако еще во время немецкой оккупации группа архитекторов, веря, что Варшава непременно снова будет свободной, начала работать над планами будущей реконструкции. Именно они сыграют решающую роль в восстановлении польской столицы. «Зная, что за это им может грозить смертная казнь, они все же продолжали тайно готовить новое поколение архитекторов», — объясняет историк и консерватор музея Варшавского универ-

ситета Кшиштоф Мордыньский. Самый известный из них, Ян Захватович, после поражения гитлеровских войск был назначен руководителем отдела архитектурных памятников Бюро восстановления столицы.

На это учреждение, созданное в 1945 году, было возложено руководство проектами восстановления Старого города. При реконструкции было решено взять за основу достоверные архивные документы, при их наличии, и воссоздать облик города, сложившийся к концу XVIII века, так как в распоряжении архитекторов были детальные изображения и множество исторических свидетельств того времени.

На пожертвования народа

Восстановление исторической части города было одним из приоритетов послевоенных властей. «Таким образом они надеялись повысить свою легитимность в глазах граждан, в частности интеллектуальных и творческих кругов», — отмечает Блажей Бжостек. Благодаря Бюро восстановления столицы, архивы которого были внесены в Реестр ЮНЕСКО «Память мира» в 2011 году, на воссоздание Старого города ушло всего около десяти лет. «Сначала звучали предложения оставить город в руинах в напоминание об ужасах войны. Однако Захватович был против», — уточняет Кшиштоф Мордыньский.

“

**На воссоздание
Старого города
ушло всего около
десяти лет**

Выбор почти сразу был сделан в пользу воссоздания только тех зданий, которые были построены в XIV–XVIII веках, и сохранения средневековой планировки улиц. Интерьер помещений, однако, был модернизирован, с тем чтобы у жителей квартала, покинувших его в начале войны, возникло желание вновь сюда вернуться. Что касается знаменитого Королевского замка, его реконструкция началась лишь в 1971 году и завершилась в 1984 году. Средства на его строительство поступали со всей Польши, а символом добровольных пожертвований граждан стала знаменитая гигантская стеклянная копилка кубической формы, в которую люди опускали монеты, купюры или ценные вещи, чтобы внести посильный вклад в восстановление. На стеклянном кубе были изображены башенные часы Королевского замка, показывающие время 11 часов 30 минут — в этом положении остановились стрелки 17 сентября 1939 года, когда замок охватило пламя.

Фасады в стиле брутализма

В целом работы по восстановлению Старого города Варшавы по своим масштабам, скорости и успешности остаются одним из наиболее выдающихся примеров реконструкции в Европе, а результат их не только привлекает толпы туристов, но и обеспечил включение исторического центра в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 1980 году. Однако реконструкция старинных зданий осуществлялась лишь в пределах границ Старого города, и остальные районы столицы внешне очень сильно от него отличаются. «Новые власти страны хотели не воссоздавать старое, а строить новое», — подытоживает Блажей Бжостек. Они видели в разрушенной столице площадку для строительства идеального города будущего с точки зрения социалистического модернизма.

Проектирование новых районов было поручено архитекторам, называвшим себя «модернизаторами». Они возвели массивные здания с фасадами в стиле брутализма и проложили пересекающиеся под прямым углом широкие проспекты, облегчающие перемещение

жителей из одной точки города в другую. Такая трансформация была возможна благодаря новому законодательству в области частной собственности. «Указ Берута, в соответствии с которым в 1945 году в Варшаве было упразднено понятие земельной собственности, позволил правительству изменить планировку города и проложить новые улицы без необходимости скупать один за другим все участки», — продолжает Блажей Бжостек. Наиболее известным наследием польского брутализма на сегодняшний день являются Дворец культуры и науки и Площадь парадов, расположенные в центре столицы.

На протяжении всех лет восстановительных работ их успех широко освещался во всех средствах информации. Даже если строительство новых районов, в отличие от Старого города,

осуществлялось преимущественно на деньги из государственного бюджета, власти страны сумели сделать восстановление общим делом, сплотить вокруг него польский народ и вызвать у граждан энтузиазм. «После рабочего дня варшавцы приходили помогать разбирать завалы и отбирать среди них кирпичи, пригодные к повторному использованию. Со временем участие в восстановлении из добровольного стало обязательным, а чтобы на строительство могли приезжать люди со всех уголков страны, были запущены специальные эшелоны», — рассказывает Кшиштоф Мордыньский. Разрушая Варшаву, немецкие фашисты попытались сломить польский народ. Однако, по иронии судьбы, восстановление столицы привело к обратному, заложив прочный фундамент для его единства. ■

Работы по восстановлению Старого города остаются одним из наиболее выдающихся примеров реконструкции в Европе

▼ Восстановление Варшавы началось сразу после окончания Второй мировой войны. Архивная фотография 1948 г.

Гватемала: город майя, возвращенный из забвения

Древний город майя Ла-Бланка, расположенный на севере Гватемалы и долгое время скрытый под густыми зарослями тропических лесов, стал объектом масштабного консервационного проекта, который позволил местному населению осознать ценность этого многовекового наследия.

Представьте себе небольшое поселение, укрывшееся в зеленой долине реки Мопан в гватемальском департаменте Эль-Петен, недалеко от границы с Мексикой и Белизом. В период своего расцвета, с 600 по 900 год нашей эры, Ла-Бланка была оживленным городом, в центре которого находились возвышающийся на акрополе дворец, большая пло-

щадь, храмы и водоем. От этого славного прошлого народа майя остались лишь руины, долгие годы поглощенные девственным лесом. Даже имя этого города затерялось во времени. Поскольку название майя установить не удалось, памятник был именован в честь деревни, расположенной в двух километрах.

Лишь в 2004 году первые раскопки позволили воскресить это погребен-

ное прошлое. За ними последовали и другие — вплоть до 2019 года. Работа по изучению и консервации комплекса стала частью более масштабного полевого проекта по документированию археологического и архитектурного наследия майя в Центральной Америке. Раскопки на объекте Ла-Бланка позволили обнаружить единственную известную на сегодняшний день настенную

© Gaspar Muñoz / Proyecto La Blanca 2009

▼ Местные жители помогают археологам в работе по консервации древнего города майя Ла-Бланка на севере Гватемалы.

▼ Акрополь Ла-Бланки был покрыт растительностью.

“
Для
привлечения
к проекту
местных
жителей были
предприняты
значительные
усилия

роспись майя, выполненную в технике фрески, при которой краски наносятся на сырую штукатурку.

Безразличие населения

Целью проекта, осуществляемого совместно с Университетом Сан-Карлос (Гватемала), было не только извлечь из-под земли древние руины, чтобы документально зафиксировать историю могущественной цивилизации майя. С самого начала его руководители, испанские археологи Кристина Видаль и Гаспар Муньос, стремились привлечь внимание жителей района к важности этого исторического наследия и приобщить их к проектам на местах. Одним из таких людей стал 41-летний уроженец Ла-Бланки Селвин Алехандер Асейтуно Берон, который с большим интересом наблюдал за раскопками древних городов в регионе.

Когда проект только стартовал, он работал чертежником в Институте археологии и истории. Два года спустя он осуществил свою мечту и из наблюдателя стал участником. «Это было настоящим благословением», — утверждает он сегодня. Обучившись в рамках проекта сначала на экскурсовода, а затем на пекаря, он работает, обеспечивая свою семью, и сам обучает волонтеров в соседних деревнях.

Однако не все местные жители проявили похожий энтузиазм. Первые шаги археологов встречали равнодушие, а иногда и враждебность. «Когда мы

прибыли на место, больше всего нас поразило безразличное отношение к археологическому памятнику, — вспоминают ученые. — Его не воспринимали как объект наследия, который важно сохранить. Некоторые сооружения были разграблены, разрисованы граффити или повреждены. Ограничение доступа к месту раскопок порой воспринималось людьми как препятствие, мешающее им возделывать землю или пасти скот».

Привлечь местных жителей

По словам Рамона Пинело, консультанта ассоциации *Balam* — одного из местных партнеров проекта, такое отсутствие интереса в первую очередь обусловлено историческими причинами. Часть населения переселилась в этот регион в середине XX века, когда власти страны выделили здесь земли для освоения. «Тут живут люди из разных частей Гватемалы, которые приехали сюда заниматься земледелием и разводить скот, и это, несомненно, одно из объяснений», — утверждает он.

Для привлечения к проекту местных жителей были предприняты значительные усилия. На первом этапе мужчин и женщин из Ла-Бланки наняли для расчистки и восстановления сооружений. Кроме того, для детей и взрослых провели практические семинары, призванные повысить осведомленность о важности защиты культурного наследия.

Также были организованы курсы подготовки в сфере туризма, чтобы жители деревни могли принимать на объекте посетителей.

По мере осуществления исследовательской части проекта — а на консервацию руин майя в Ла-Бланке и других близлежащих поселениях, таких как Чилонче, ушло более 15 лет — отношение окрестных общин к многовековому наследию постепенно менялось. Люди начали лучше понимать работу археологов и почувствовали свою причастность к этому памятнику прошлого. Кроме того, появление на объекте первых посетителей создало новую экономическую динамику.

В 2019 году, на заключительных стадиях проекта, Кристина Видаль со своей командой призвала местных жителей объединиться, чтобы проделанная работа продолжала приносить плоды и после его завершения. В 2022 году в Ла-Бланке была создана общественная организация по развитию местного сообщества. Также открылась и пекарня.

«Наши усилия направлены на то, — поясняет Кристина Видаль, — чтобы эти археологические объекты воспринимались не как чуждые элементы, никак не связанные с жизнью населения, а, напротив, как ценный ресурс, несущий для него новые экономические, социальные и культурные возможности и содействующий развитию благодаря охране культурного наследия». ■

Директор и преподаватель Национального центра культурного наследия Университета Цинхуа (Пекин, Китай), президент Китайского общества истории архитектуры, бывший вице-президент ИКОМОС Китая.

Китай: восстановление башни Юндинмэнь

Проездная башня Юндинмэнь, снесенная в 1957 году в связи с новыми нуждами городского развития Пекина, была восстановлена в 2004 году. Через двадцать лет после воссоздания она пополнила собой Список всемирного наследия в качестве одного из образующих элементов Центральной оси Пекина.

На Центральной оси, простирающейся с севера на юг через исторический центр Пекина, расположены бывшие императорские дворцы и сады, жертвенные сооружения, церемониальные и общественные здания. Начиная с XIII века эта ось определяет пространственное развитие Пекина и планировку столицы. Одним из 15 образующих элементов оси являются увенчанные башней городские ворота Юндинмэнь, возведенные в 1553 году. В 1957 году они были снесены в рамках нового градостроительного проекта, однако в 2004 году главная проездная башня была воссоздана в первоначальном виде и на том же месте на основании топографических и картографических данных, фотографий и ряда других документов.

“

**Начиная с XIII века
Центральная
ось определяет
пространственное
развитие Пекина**

Восстановленная башня Юндинмэнь была признана важной частью Центральной оси Пекина, внесенной в Список всемирного наследия в 2024 году. На любой объект культурного насле-

дия неизбежно накладывают свой след различные исторические и культурные события, и именно эти отпечатки прошлого обуславливают его значение для истории и культуры народа. Когда это значение приобретает общемировой характер, объект может претендовать на статус всемирного наследия. Реставрация, модификация и даже реконструкция могут не быть для этого препятствием, если они способствуют выдающейся универсальной ценности объекта. В частности, главным условием должна быть аутентичность, или подлинность памятника.

Подлинность восстановленной проездной башни Юндинмэнь следует оценивать через призму того, какой вклад она вносит в исключительную ценность всей Центральной оси Пекина. С 1553 по 1912 год городские ворота Юндинмэнь были южной отправной точкой Центральной оси. Со временем изменения претерпела и сама ось, удлинившись с 3,8 км в XIII веке до 7,8 км в XVI веке.

Изменения в менталитете

Снос ворот Юндинмэнь в 1957 году был обусловлен практическими нуждами городского развития. Аналогичные процессы — снос старых сооружений в целях расширения инфраструктуры и экономического роста — происходили почти во всех городах. Каждый город, продолжающий выполнять свои функции, претерпевает непрерывные изменения; варьируется только степень этих изменений.

Восстановление проездной башни Юндинмэнь свидетельствует об изменениях в восприятии местным населением ценности наследия. В 1980-е годы в Пекине начал просыпаться интерес к защите архитектурных памятников. Местные жители осознали важное символическое значение Центральной оси, городских ворот и крепостных стен с точки зрения истории города, и стала обсуждаться возможность воссоздания снесенных стен и ворот, включая проездную башню Юндинмэнь.

Призывы к восстановлению этих знаковых сооружений звучали все чаще. По словам жителей соседних районов, снос въездных ворот Юндинмэнь изменил самобытный характер их кварталов и дух этих мест относительно того, какими они сохранились в коллективной памяти населения.

Современное градостроительство

В 1999 году, в ответ на требования горожан, член Муниципального совета Пекина Ван Цаньчи выступил с предложением проекта, озаглавленного «Восстановление проездной башни Юндинмэнь и реставрация других архитектурных объектов культурно-исторического наследия вдоль Центральной оси Пекина». Предложение было встречено положительно, и эксперты в сфере сохранения памятников архитектуры и градостроительства приступили к обсуждению плана. Началась разработка технической стороны вопроса.

▼ Проездная башня Юндинмэнь, 2009 г.

“ Восстановление проездной башни Юндинмэнь свидетельствует об изменениях в восприятии ценности наследия

Хотя в те годы китайское законодательство в области защиты древних культурных памятников предусматривало, что полностью разрушенные сооружения восстановлению не подлежат, в основе плана воссоздания башни Юндинмэнь лежала идея, что новая постройка будет символизировать собой место первоначального расположения городских ворот. В конечном итоге в 2003 году муниципальные органы управления Пекина одобрили проект.

В процессе реконструкции проездной башни Юндинмэнь барбакан и стре-

лочная башня, изначально дополнявшие ворота, восстановлены не были. Однако на земле перед башней было отмечено место, где они располагались, что позволяет получить полное представление об истории сноса и восстановления ворот. Этот факт лишь подчеркивает непрерывное влияние Центральной оси Пекина на современное городское развитие и подтверждает приверженность принципу «живой культурной традиции».

4000 кирпичей

Проект восстановления башни получил активную поддержку со стороны местных жителей. В частности, они безвозмездно передали на его нужды более 4000 старинных кирпичей, подобранных во время сноса городских ворот Юндинмэнь в 1957 году. Эти кирпичи, использованные для укладки северной площадки восстановленной проездной башни, не только наглядно демонстрируют, какое значение пекинцы придают Центральной оси, но и указывают на историческую подлинность реконструкции.

Вновь отстроенная башня Юндинмэнь с окружающими ее площадями

и парками стала излюбленным общественным местом и играет важную роль в повседневной жизни пекинцев. Подтверждением этому стала активная поддержка и участие местного населения, особенно среди молодежи и студентов, когда Центральная ось Пекина была номинирована на внесение в Список всемирного наследия.

Восстановление проездной башни Юндинмэнь знаменует собой значимую веху в усилиях властей Пекина по охране исторических частей города и свидетельствует о большой роли этого объекта наследия в поддержании живой культурной традиции.

В более широком контексте этот случай показывает, что один лишь факт воссоздания объекта наследия не является критерием для определения его ценности. Гораздо важнее то, насколько ясно и аутентично в реконструкции отражены различные события в истории объекта, включая значение и ценность самой реконструкции. В случае Центральной оси Пекина значение и ценность восстановленной проездной башни Юндинмэнь являются неотъемлемыми составляющими выдающейся универсальной ценности Центральной оси. ■

Возрожденная память о наследии

Для тех, кто немного знаком с историей штаб-квартиры ЮНЕСКО, помещение зала для журналистов окутано ореолом легенды — легенды, которая сегодня вновь оживает после десятилетий забвения. Спроектированный для ЮНЕСКО Герритом Ритвельдом по заказу правительства Нидерландов в 1958 году, этот зал являл собой одновременно и функциональное рабочее пространство для представителей прессы, и живое произведение искусства.

Когда ЮНЕСКО, желая украсить свою штаб-квартиру работами известных авторов, обратилась к Ритвельду, он уже был видным дизайнером мебели и архитектором и считался одним из пионеров модернистского дизайна, чье имя было связано сначала с творческой группой «Де Стейл» («Стиль»), а затем с архитектурным направлением «Новое строительство». К тому моменту он спроектировал целый ряд зданий, в том числе социальное жилье и частные дома.

В работе над заказом для ЮНЕСКО Ритвельду пришлось преодолеть множество трудностей. Залу для журналистов отвели одно из самых неудобных помещений в раскинувшемся в форме буквы «Y» здании штаб-квартиры Организации — в проходе между двумя корпусами.

Кроме того, выделенное помещение не было прямоугольным в строгом смысле слова. Изрезанное неровными формами, оно было описано самим Герритом Ритвельдом как «случайный пустой угол в подвале». Однако Ритвельд сумел превратить нестандартную конфигурацию в настоящий шедевр. Он использовал цвет, геометрию и новаторские материалы, чтобы добиться гармонии в каждой детали — от облицовки стен и линолеумного пола с яркими геометрическими узорами до мебели, выполненной по индивидуальному проекту.

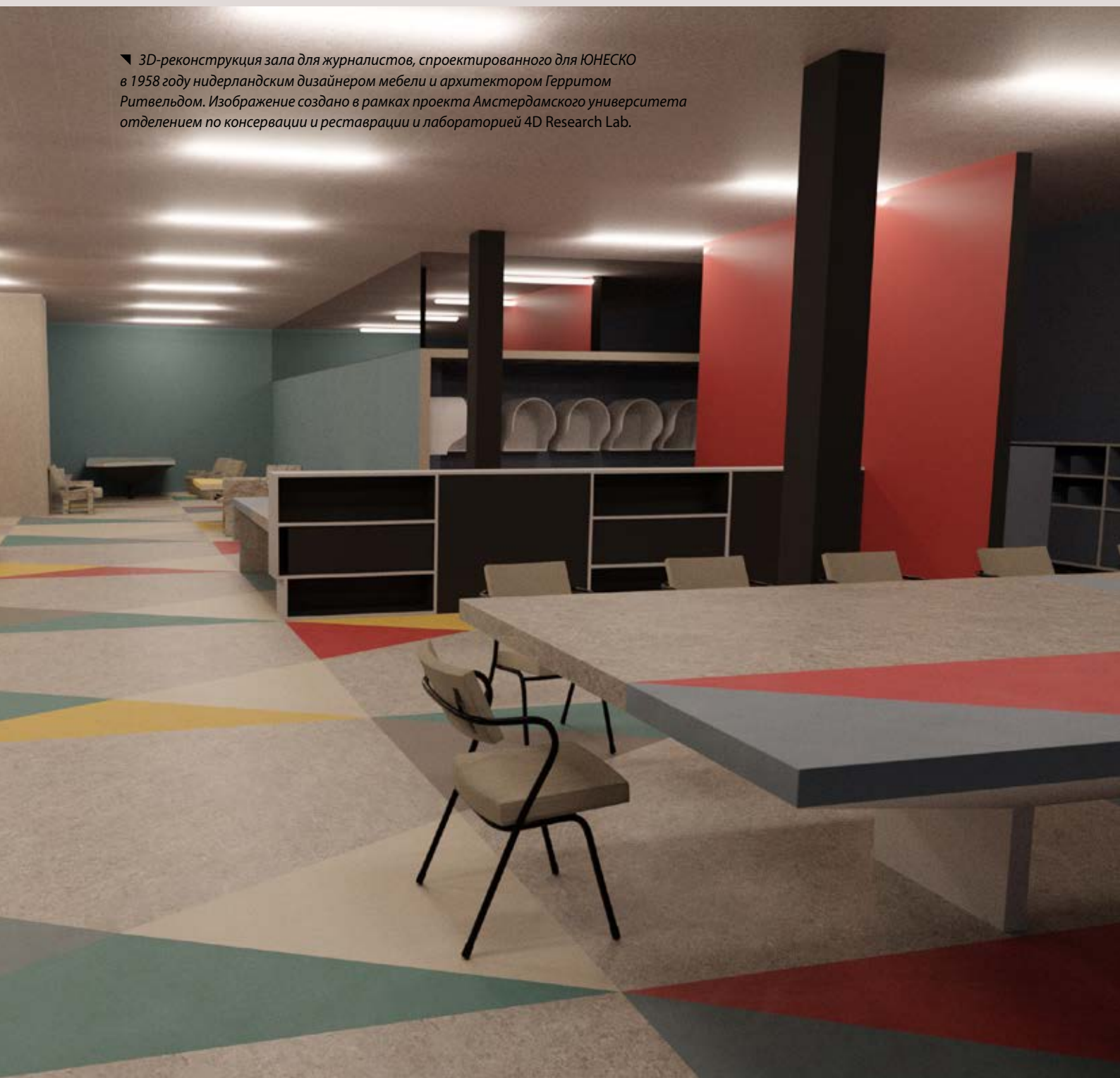
Однако не слишком продуманное переустройство этого помещения в начале 1980-х годов привело к тому, что зал Геррита Ритвельда прекратил существовать — как в материальном, видимом мире, так и в коллективной памяти. Десятилетия спустя, благодаря усилиям Агентства культурного наследия Нидерландов, он вновь оживает — не только при помощи реконструкции, но и в нашем воображении. Сегодня важная часть этой истории снова раскрывается благодаря археологическим находкам, таким как обнаруженные под фальшполом фрагменты оригинального линолеума, а также благодаря кропотливым усилиям по восстановлению зала в цифровом, физическом и историческом измерении на основе архивов и анализа сохранившихся материалов. Публикация представленных здесь изображений свидетельствует о стремлении заново открыть историю утраченного зала и его возрождения. ■

© UvA / Tijm LANJOUW и Santje PANDER / Adagp, Париж, 2025

Геррита Ритвельда

▼ 3D-реконструкция зала для журналистов, спроектированного для ЮНЕСКО в 1958 году нидерландским дизайнером мебели и архитектором Герритом Ритвельдом. Изображение создано в рамках проекта Амстердамского университета отделением по консервации и реставрации и лабораторией 4D Research Lab.

ФОКУС

▼ Зал для журналистов, ЮНЕСКО, 1958 г. На первом плане можно видеть столы, крытые специально изготовленным для этого проекта линолеумом. Справа вдоль изогнутой стены стоят в ряд шесть рабочих столов.

Из архивной коллекции ЮНЕСКО / © Dominique Bergetty / GAMMA RAPHO / Adagr, Париж, 2025

Из коллекции Nieuwe Instituut / RIET, 534.4-04 © Adagr, Париж, 2025

▼ План помещения, отведенного под будущий зал для журналистов, 1957 г. Это помещение располагалось в проходе между двумя корпусами и имело целый ряд особенностей: изогнутую стену, несколько беспорядочно стоящих колонн и почти полное отсутствие прямых углов. Геррит Ритвелд подчеркивал, что для достижения гармонии ему приходилось «жонглировать линиями и цветами».

Фото: © RCE / Mariël POLMAN / Adagp, Париж, 2025

▼ Нидерландский реставратор и специалист по архитектурной отделке Сантье Пандер изучает фрагменты оригинального линолеума под фальшполом в рамках работ, осуществляемых по запросу Агентства культурного наследия Нидерландов. Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 2025 г.

Рисунок Геррита Ритвельда с изображением интерьера зала для журналистов. Пол и мебель были покрыты линолеумом, а для стен и стульев использовалось виниловое покрытие на текстильной основе.

Зал для журналистов, ЮНЕСКО, 1958 г. Цветных фотографий зала, которые могли бы пролить свет на оригинальные оттенки пола и мебели, крайне мало.

▼ Стол, оборудованный трансляционными устройствами, которые позволяли журналистам подключаться к различным залам ЮНЕСКО и слушать обсуждения на одном из официальных языков Организации.

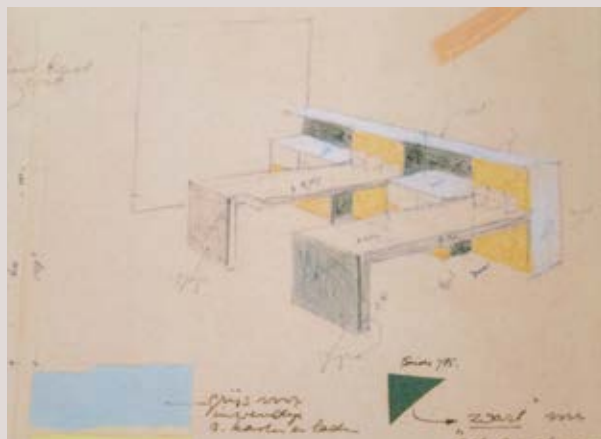
▼ 3D-реконструкция зала для журналистов, созданная в Амстердамском университете. Вид сверху позволяет увидеть, как Геррит Ритвельд обыграл линии стен, цвета и формы.

© UvA / Tjib LANOUW и Santje PANDER / Adagr, Париж, 2025

Из архивной коллекции ЮНЕСКО / © Dominique Berretty / GAMMA RAPHO / Adagp, Париж, 2025

Из коллекции Nieuwe Instituut / RIET, 534.2-03 (фрагмент) © Adagp, Париж, 2025

▼ Чертеж, выполненный Герритом Ритвельдом и изображающий два стола, примыкающих к низкому шкафу. Шкаф и один из столов можно видеть на фотографии на с. 30-31.

Фото: © RCE / Santje PANDER

▼ Эксперты из Агентства культурного наследия Нидерландов Люк Мегенс и Мариэль Полман изучают линолеум, покрывавший пол зала в годы его работы.

Фото: © RCE / Santje PANDER

▼ Потрескавшийся линолеумный пол рядом с образцами из архивов компании Forbo (Нидерланды), изготовившей оригинальный линолеум.

© UNESCO / Christelle ALIX

▼ Образцы оригинальной отделки, собранные в ЮНЕСКО с 2018 по 2025 год, и образцы линолеума из архивов изготовителя.

▼ Сантье Пандер показывает сотрудникам ЮНЕСКО репродукции планов и образцы оригинального линолеума, 2025 г.

▼ В хранилище невыставленных коллекций Collectie Centrum Nederland в г. Амерсфорт (Нидерланды) хранится более 30 предметов мебели из зала для журналистов, которые расположены относительно друг друга так же, как они стояли в штаб-квартире ЮНЕСКО. Фотография 2021 г.

Искусственный интеллект: искусство на пороге новой эры?

Генеративный ИИ уже сейчас может создавать картины самых разных жанров, от реалистичных портретов до сказочных пейзажей. Означает ли это конец фотограмм и художникам? Совсем не обязательно, считает профессор Ахмед Эльгаммалъ. Он напоминает, что в XIX веке фотография тоже воспринималась как угроза для живописи, однако впоследствии она дала толчок к появлению новых течений и была признана самостоятельным видом искусства. ИИ также может знаменовать собой начало новой эры в искусстве.

Что несет искусственный интеллект для творческих профессий: угрозу или новые возможности? На самом деле для представителей разных областей — живописцев, фотографов, цифровых художников, иллюстраторов, дизайнеров, специалистов по визуальным эффектам, разработчиков видеоигр — ответ на этот вопрос будет отличаться, так как все они используют эту прорывную технологию по-разному. Пожалуй, что сильнее всего ее внедрение отразилось на фотографии. Наблюдать за влиянием ИИ на фотографию интересно еще и потому, что в прошлом ее изобретение само стало переломным моментом в истории искусств.

До XIX века художники изображали окружающий мир при помощи своих глаз, рук и воображения. Наскальная живопись, шедевры эпохи Возрождения, картины маслом по дереву, рисунки углем на бумаге — все они ставят своей целью запечатлеть жизнь — или взгляд художника на жизнь.

Все изменилось с приходом фотографии, позволившей запечатлеть реальность механически. Отныне сам свет мог «рисовать» изображение на пленке. Такой технический прорыв вызвал бурную полемику: не утратят ли художники той роли, которую они традиционно играли в обществе?

В некотором смысле это действительно произошло: часть социальных функций, до того выполняемых художниками, взяли на себя фотографии. Однако одним из последствий этого стала демократизация искусства: теперь заказать портрет могли позволить себе уже не только высшие слои общества.

Новые взгляды на мир

Однако фотография отнюдь не уничтожила искусство — она преобразовала его. В ответ на ее распространение художники расширили границы традиционной живописи. Такие направления, как импрессионизм, кубизм и сюрреализм, отчасти возникли именно как реакция на фотографию: вместо того, чтобы соревноваться с ней в воспроизведении действительности, художники начали искать новые, более экспрессивные способы выражения своего взгляда на мир. Они стали больше внимания уделять атмосфере, эмоциям, абстракции и воображению.

Со временем фотография и сама стала считаться видом искусства. То, что на заре своего существования было

процессом сугубо механическим, превратилось в проявление творчества, и фотографы сформировали собственное художественное видение.

**Импрессионизм,
кубизм и сюрреализм
отчасти возникли
именно как реакция
на фотографию**

Сегодня в сфере искусства происходит аналогичная технологическая революция, но на этот раз ее двигателем является искусственный интеллект. Он меняет подходы к созданию фотографий и изображений почти так же, как в XIX веке фотография сделала это с живописью. ИИ умеет изображать людей, места и сцены, которые никогда не существовали. С его помощью фирмы могут создавать целые рекламные кампании с участием виртуальных моделей, не прибегая к фотосессиям.

На сайтах фотобанков уже сейчас полно изображений, сгенерированных ИИ. Пейзажи, интерьеры, улицы, закаты... многие из этих «фотографий» являются результатом работы не фотоаппарата, а алгоритмов.

▼ Изображение из серии
«Автопортрет алгоритма»
греческой фотохудожницы Марии
Мавропулу. Работы из этой серии,
созданные при помощи ИИ, позволяют
увидеть, как модели прибегают к
антропоморфизму, чтобы придать
форму концепции алгоритма.

Заменяют ли они художественную фотографию? Не совсем. Работы ИИ не похожи на концептуальное фотоискусство или берущие за душу снимки, которые выставляются в художественных галереях и на фотофестивалях. Однако ИИ берет на себя некоторые функции, выполняемые фотографией в повседневной жизни.

Объектив улавливает свет, поступающий от окружающих предметов в определенный момент времени, и проецирует реальность на пленку или цифровую фотоматрицу. ИИ же улавливает свет от миллиардов существующих изображений. Его «линза» состоит из данных. Системы ИИ разбирают эти изображения на маленькие частицы (визуальные единицы) и учатся определять то, как они связаны со словами и описаниями (языковыми единицами). Иначе говоря, ИИ учит визуальный язык нашего мира.

Таким образом, искусственная генерация изображений представляет собой производную второго порядка от реальности. Фотоаппарат фиксирует реальность напрямую. ИИ интерпретирует реальность через фильтр миллиардов других изображений и человеческого языка. Именно поэтому созданные ИИ картинки, хотя на них и изображены несуществующие вещи, зачастую кажутся нам знакомыми: они собраны из кусочков, найденных в коллективной памяти интернета.

Новые возможности, новые ограничения

Эти новые технологии несут в себе беспрецедентные возможности. Фотоаппарат ограничен реальным миром: он может запечатлеть только то, что фактически находится перед

объективом. ИИ взаимодействует с реальностью иначе. Он смешивает и комбинирует элементы из огромного числа источников и создает на их основе совершенно новые изображения. Это могут быть пейзажи мест, которых никогда не существовало, портреты людей, которые никогда не рождались, события, которые никогда не происходили. Такое «комбинаторное воображение» позволяет ему генерировать визуальный контент, выходящий за рамки реальности, благодаря чему процесс создания изображений уподобляется своего рода синтезу фантастических пейзажей.

Другое существенное отличие касается того, как мы контролируем процесс создания изображений. Снимая фотоаппаратом, мы выбираем композицию, корректируем настройки объектива и нажимаем на кнопку спуска.

© Ahmed Elgammal

▼ Альтернативные факты: многочисленные лики истины, Ахмед Эльгаммал – AICAN, 2018. Данное изображение было создано программой AICAN, разработанной Лабораторией искусства и искусственного интеллекта Ратгерского университета (США) и способной самостоятельно генерировать новые изображения на основе существующих стилей и произведений живописи.

В работе с ИИ на смену объективу приходит язык. Через текстовые запросы мы можем уточнить, что хотим видеть на изображении, задать желаемое освещение, атмосферу, даже симулировать эффекты различных светофильтров. Искусство формулировать такие запросы, которое иногда называют термином (несколько сбивающим с толку) «промт-инжиниринг» («инженерия подсказок») можно считать новым творческим умением.

“

Многие цифровые художники видят в ИИ мощный рабочий инструмент

У этой технологии есть и свои ограничения. Генеративное искусство ограничено возможностями языка: ИИ может «нарисовать» только то, что вы будете способны описать в своем запросе. Слова — это сила, однако точно выразить нюансы визуальной задумки словами не всегда возможно.

Интерпретация реальности

Вне всякого сомнения, больше всего от прогресса в сфере ИИ страдает фотография. Даже до его появления многим фотографам стало сложнее продавать свои работы ввиду переизбытка изображений, созданных при помощи компьютерной графики. Теперь же благодаря ИИ многие задачи, которые до недавнего времени выполняли фотографы, могут быть автоматизированы, в частности в таких коммерческих областях, как фотобанки, создание портретов и фотографирование торговой продукции.

В то же время многие цифровые художники видят в ИИ не угрозу, а мощный рабочий инструмент. Технологии могут значительно упростить для них выполнение однотипных повторяющихся задач и помочь генерировать идеи, которые художник затем может развить и проработать в деталях.

На сегодня сгенерированные нейросетями изображения не всегда соответ-

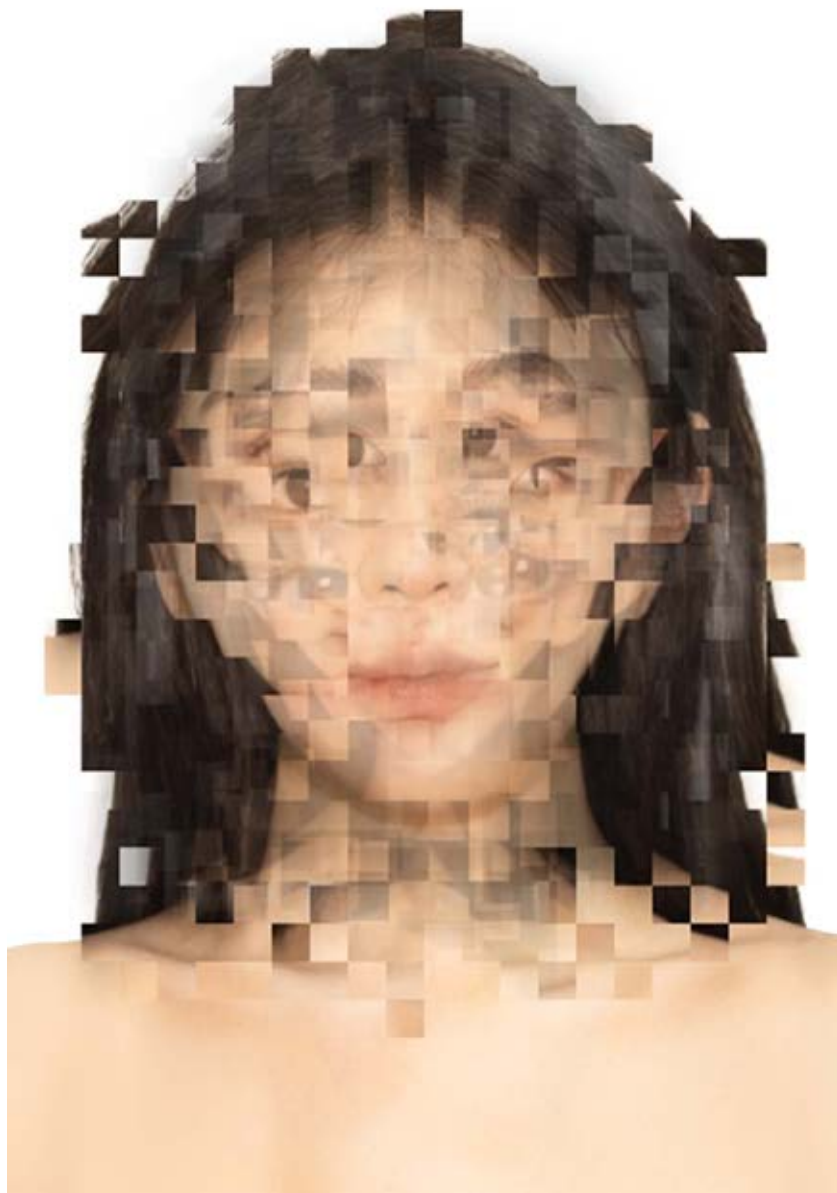
ствуют стандартам качества, принятым в сфере профессионального дизайна визуальных спецэффектов и создания видеоигр. Однако технологии развиваются очень быстро. Легко себе представить, что уже через несколько лет ИИ прочно войдет в творческий арсенал художника в этих областях.

Точно так же, как фотография освободила живописцев от обязанности достоверно изображать окружающую действительность и проложила тем самым путь к новым течениям в искусстве, ИИ может освободить новое поколение художников от ограничений физического мира.

Ведь в конечном итоге именно художник создает произведение искус-

ства. В отличие от машины, у него есть намерение, задумка, он вкладывает в свое творение определенный смысл, по-своему интерпретирует реальность. Только пропустив выданные алгоритмом результаты через призму человеческой фантазии, можно превратить их в произведение искусства, которое найдет эмоциональный или культурный отклик в душе смотрящего.

Художники не становятся невостребованными, но роль их меняется. Мы стоим на пороге нового этапа в истории искусства, когда на пересечении воображения, технологий и человеческого творчества рождаются новые возможности, которые мы пока лишь начинаем осознавать. ■

▼ Гиперплазия, 2024 г. Работа китайской художницы Немо Чэнь, заставляющая задуматься о понятии идентичности в цифровую эру.

© Nemo Chen (www.nemochenx.com)

Кейт Рейворт:

© Johannes Frandsen

«Нам нужно новое видение прогресса»

Что общего у пончика и нашей планеты? На первый взгляд, ничего. Однако именно такой образ выбрала британский экономист Кейт Рейворт, чтобы описать условия для обеспечения устойчивой экономики. В своем бестселлере 2017 года «Экономика пончика: семь способов мыслить как экономист XXI века» она предлагает модель, отвечающую нуждам всех людей и при этом учитывающую ограниченность ресурсов планеты.

Вы — одна из авторитетов, призывающих переосмыслить экономику XXI века. Что привело вас на этот путь?

Я изучала экономику в университете в 1990-е годы и с самого начала ощущала неудовлетворенность: ни в одной из теорий не было ни слова о природе, о живом мире или об окружающей среде. Поэтому я на долгие годы перестала заниматься экономикой.

И только в 2010 году, когда я вернулась на работу после декретного отпуска, кто-то показал мне круговую диаграмму под названием «Планетарные границы». В ней представлены девять важнейших систем, необходимых для обеспечения жизни на планете, включая устойчивый климат, плодородные почвы, здоровые океаны, богатое биоразнообразие, восполняемые запасы пресной воды, чистый воздух и защитный озоновый слой. Ученые, изучающие системы Земли, доказали, что эти девять параметров являются обязательными для поддержания планеты в стабильном, сбалансированном и благоприятном для жизни состоянии. Любое вмешательство человека должно их соблюдать.

Эта диаграмма вызвала у меня настоящий прилив адреналина. Я подумала: вот оно, начало экономики XXI века. В то время я работала в благотворительной организации *Oxfam* и занималась

такими вопросами, как защита прав человека, образование детей и всеобщий доступ к здравоохранению. Это навело меня на мысль: если существует верхний, внешний предел потребительского давления, которое человечество может оказывать на планету, то должен быть и нижний, внутренний — минимальные ресурсы, необходимые каждому человеку для достойной жизни. Так я нарисовала внутри этого большого круга еще один, поменьше, — и получился пончик.

Как «экономика пончика» позволяет переосмыслить традиционные экономические идеи?

Экономика XX века исходила из того, что основу процветания составляет рост национального дохода или ВВП (валового внутреннего продукта) и что этот рост бесконечен. Но это просто безумие. Нам нужно новое видение прогресса. Отсюда и моя идея пончика.

Представьте, что использование природных ресурсов человечеством расходится от центра «пончика» наружу. Дыра в середине — это пространство, где людям не хватает базовых ресурсов, на которые каждый имеет право: еды и воды в достаточном количестве, медицинской помощи, образования, жилья и дохода.

Однако стремясь удовлетворить потребности и желания всех, мы увеличиваем нагрузку на живую планету и ее хрупкое равновесие — увеличиваем настолько, что становимся причиной ухудшения климата, закисления океанов и появления дыр в озоновом слое.

Идея «пончика» в том, чтобы удовлетворять потребности всех людей в пределах возможностей планеты — а это уже совершенно иная цель для экономики.

Как нынешняя экономическая модель сформировала мир, в котором мы живем?

Образ мышления, который закладывается студентам — будущим профессора, адвокатам, исследователям, политикам, руководителям компаний, журналистам, — формируется текущей экономической парадигмой. Влияние это очень сильное, но вместе с тем зачехленную пагубное.

Мы внушаем себе, что являемся рациональными людьми, «человеком экономическим». В книге «Экономика пончика» я сделала рисунок такого человека: он стоит один, с деньгами в руках, с эго в сердце, с калькулятором в голове и с природой у ног. Он ненавидит труд, любит роскошь и знает всему цену. И чем глубже изучающие экономику студенты знакомятся с этим образом, тем больше они ценят такие принципы, как личная

выгода и конкуренция, а не альтруизм и сотрудничество.

Первая схема, которую изучают, начиная заниматься экономикой, — это кривая спроса и предложения. Мы с самого начала помещаем рынок в центр нашего видения. Это значит, что главным мериллом становится цена. А все, что выходит за рамки ценовой системы, например живая природа, — объявляется «внешним фактором». С этого момента целью экономики становится бесконечный рост. И эта цель никогда не ставится под сомнение.

Что нам нужно изменить, чтобы прийти к более справедливому обществу?

Мы унаследовали «поляризующую» экономическую модель, где капитал сосредоточен в руках единиц. Согласно отчету *Oxfam*, опубликованному в 2023 году, 1 % самых обеспеченных людей планеты владел почти половиной всего богатства, созданного за последние десять лет. Процветание в столь неравном мире невозможно. Нам нужна справедливая экономика, которая обеспечивала бы более равномерное распределение благ между всеми участниками процесса их создания.

Личная выгода и конкуренция ценятся выше, чем альтруизм и сотрудничество

Кроме того, промышленные системы XX века и использование ископаемого топлива истощают живую природу. Необходимо преобразовать наши промышленные и энергетические системы, сделав их регенеративными, чтобы использовать ресурсы планеты по круговому, циклическому принципу.

Некоторые считают, что возможен «зеленый рост». Лично я не видела убедительных доказательств того, что это реально. Пока не одной стране не удалось достичь его в должных масштабах. Другие заявляют, что необходимо сниже-

Необходимо преобразовать наши промышленные и энергетические системы, чтобы использовать ресурсы планеты по круговому, циклическому принципу

ние ВВП. Мне же кажется, что нам нужно перестать утверждать, что мы можем предсказывать траекторию ВВП.

Что важно сделать, так это освободить нашу экономику от зависимости от роста. Непрерывная экономическая экспансия стала возможной благодаря тому, что на протяжении ста лет мы производили дешевую энергию из ископаемого топлива. Но эпоха ископаемых источников энергии закончилась. Для меня главный экономический вопрос века таков: как сделать так, чтобы наша экономика наконец «повзрослела» и начала процветать вместо того, чтобы бесконечно расти?

Как «экономика пончика» применяется в городах и регионах мира?

В апреле 2019 года Амстердам решил внедрить эту концепцию в свою амбициозную политику, задача которой — стать городом с циркулярной экономикой к 2050 году. Шесть недель спустя его примеру последовал Копенгаген, затем Брюссель, затем Барселона. Постепенно это движение приобрело еще больший масштаб, и сейчас уже более 50 городов и округов по всему миру экспериментируют с подходами в духе «экономики пончика».

Первым шагом в этом процессе обычно является создание портрета города или района через призму «пончика». Для этого нужно ответить на вопросы: насколько местное использование ресурсов превышает возможности планеты? В какой мере оно должно измениться, чтобы вписаться в пределы пончика?

«Экономика пончика» ни в коей мере не диктует готовых решений. Каждое сообщество разрабатывает собственный подход, устанавливает свои приоритеты и выбирает путь с учетом своей культуры.

Как знания коренных народов могут помочь нам переосмыслить экономику?

Я часто обращаюсь к образам, которые тысячелетиями создавали коренные культуры, — как они представляли себе здоровье, благополучие, процветание. И каждый раз меня поражает то, что они изображали эти понятия в виде динамических кругов, будь то даосское инь-ян, буддийский бесконечный узел, традиционное колесо жизни коренных народов Северной Америки, кельтская двойная спираль или дзэнский символ энсо.

И для меня стал большой честью тот факт, что многие хранители мудрости и ученые из коренных народов отреагировали на теорию «пончика», сказав нам, что наша идея имеет смысл и что она созвучна с их культурными ценностями.

Что может сделать каждый из нас, чтобы ускорить переход к регенеративной и более справедливой экономике?

Мы можем задуматься, например, о том, как мы питаемся. Переход от мясного рациона к большему количеству растительной пищи может помочь человечеству остаться в безопасных границах пончика. Мы также можем спросить себя: насколько далеко мне нужно уехать, чтобы почувствовать, что отпуск удался? Как я отопливаю свой дом? Какому банку я доверяю право инвестировать мои сбережения?

Каждый из нас может сделать многое. И мы всегда должны помнить: поступая так, мы показываем, что возможно жить иначе. А политики должны поддерживать эти изменения. Поездка из Лондона в Париж на поезде не должна стоить больше, чем перелет. Необходимо менять тарифную политику, чтобы разумный выбор был также более доступным и простым.

**Если бы «экономика пончика»
стала применяться
повсеместно, как
выглядела бы мировая
экономика через 50 лет?**

В теоретическом плане это была бы экономика, ориентированная на то, чтобы каждый человек мог удовлетворить свои базовые потребности, оставаясь в рамках возможностей планеты и живого мира. Творчество и инновации стали бы движущей силой перемен. Как выращивать продукты таким образом, чтобы это вело к восстановлению почвы? Как стро-

ить дома из имеющихся материалов, а не бесконечно добывать новые?

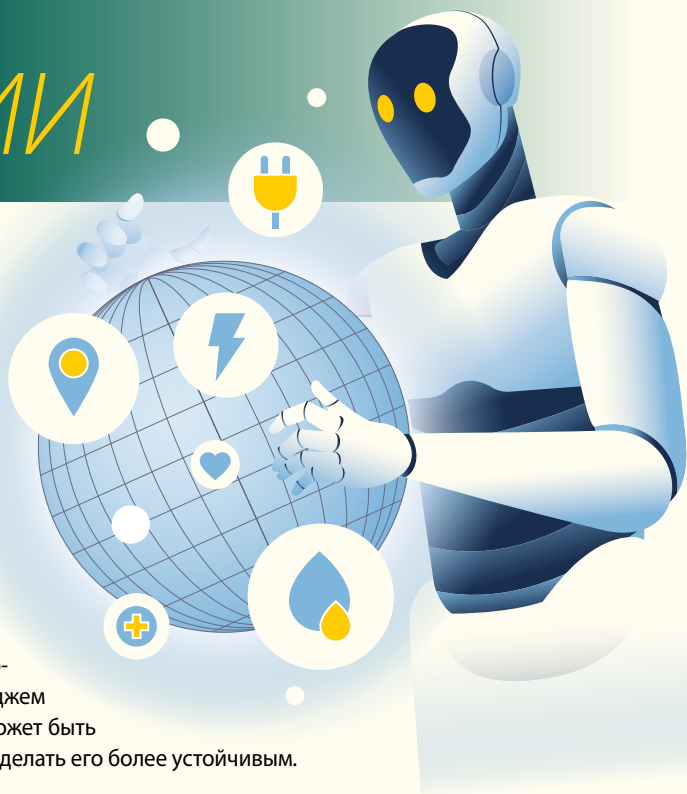
«Ре-», «пере-» и «повторно» звучали бы везде: ремонт, реконструкция, повторное использование, переработка. Дома в разных странах были бы построены из местных материалов и выглядели бы по-разному. И еда была бы иной: более сезонной, более локальной. Путешествуя, мы бы наслаждались уникальностью других мест, а не встречали бы одни и те же магазины в каждой столице.

Мы живем на поразительно прекрасной планете, которая уже 3,8 мил-

лиарда лет обеспечивает условия для процветания жизни. Мы должны постоянно задаваться вопросом: чему мы можем научиться у природы, как в ней создаются условия, благоприятные для жизни? В противном случае мы собственноручно разрушаем основы своего существования. ■

На пути к более ЭКОЛОГИЧНОМУ ИИ

За последнее десятилетие искусственный интеллект, который раньше применялся лишь в узких областях, стал неотъемлемой частью современной жизни. Одним из его применений являются большие языковые модели (БЯМ) — системы ИИ, обученные на огромных объемах текстовых данных и способные генерировать текст, похожий на человеческую речь. Сегодня эти модели лежат в основе многих генеративных инструментов, которые мы используем в повседневной жизни, от чат-ботов до сервисов автоматического перевода. Авторы доклада *Smarter, Smaller, Stronger: Resource-Efficient Generative AI & the Future of Digital Transformation* («Умнее, компактнее, мощнее: к ресурсоэффективному генеративному ИИ в интересах будущей цифровой трансформации»), опубликованного ЮНЕСКО совместно с Университетским колледжем Лондона (UCL) в 2025 году, подчеркивают, что, хотя использование ИИ может быть весьма энергозатратным, существуют простые решения для того, чтобы сделать его более устойчивым.

Воздействие ИИ на окружающую среду

ПОТРЕБЛЕНИЕ ВОДЫ

Один дата-центр может потреблять миллионы литров воды в день (преимущественно питьевой).

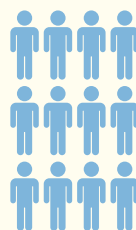

К 2027 году расход воды на нужды ИИ может составить от 4,2 до 6,6 млрд м³ в год (= втрое больше, чем сегодня), что превышает годовое водопотребление Дании.

ПОТРЕБЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

Обучение только одной БЯМ ≈ 50 ГВт·ч

Это эквивалентно годовому потреблению электроэнергии в ряде развивающихся стран.

ChatGPT (на июнь 2025 г.): 1 млрд запросов в день и 0,34 Вт·ч на один запрос = 310 ГВт·ч в год. Это сопоставимо с энергией, потребляемой 3 млн человек в Эфиопии.

С 2017 года потребление электроэнергии дата-центрами ежегодно увеличивается примерно на **12 % в год**, что более чем в четыре раза превышает темпы роста общего энергопотребления.

Решения, проверенные на практике

Конкретный опыт и данные из открытых источников указывают на то, что при помощи трех инновационных подходов можно существенно сократить потребление энергии искусственным интеллектом без ущерба для его эффективности.

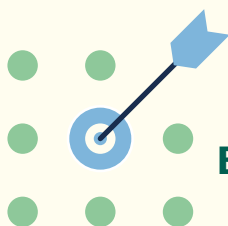
1 Уменьшить и упростить модели ИИ

С помощью техник сжатия, таких как квантование, можно уменьшить и ускорить модели ИИ за счет упрощения вычислений. Они позволяют сэкономить **до 44 %** энергии без потери точности.

2

Формулировать кратко

Более короткие запросы могут помочь снизить энергопотребление **более чем на 50 %**.

3 Выбирать модель под конкретную задачу

Сегодня пользователи склонны обращаться к большим языковым моделям независимо от своих потребностей, однако переход на более компактные специализированные модели может обеспечить такую же или более высокую эффективность, снижая энергопотребление на величину **до 90 %**.

● Эти специализированные модели также

✓ быстрее

✓ дешевле

✓ доступнее

Рекомендации

Повышать экологичность моделей ИИ

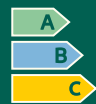

Инвестировать в энергосберегающие модели

Ставить во главу угла производительность инференса

Поощрять прозрачность

Ввести маркировку энергоэффективности, например специальную шкалу

Требовать отчетность: электроэнергия, выбросы, расход воды

Улучшать понимание ИИ

Повышать осведомленность пользователей об энергозатратности ИИ

Поощрять экологически ответственное использование ИИ

unesco

Возрождение духа Мосула

Возрождение города: надежда народа,
история восстановления 2018 – 2025 гг.

unesco

Revive the Spirit of Mosul

The rebirth of a city:
A people's hope,
a story of reconstruction
2018-2025

© UNESCO/Al-Basrah Photo

Восстановление Мосула представляет собой гораздо больше, чем просто повторную отстройку зданий, — это акт памяти и решительный шаг в сторону будущего. Настоящая публикация знакомит с уникальным амбициозным проектом, в рамках которого с 2018 года осуществляется реставрация важнейших архитектурных памятников Мосула, таких как мечеть Ан-Нури и ее минарет Аль-Хадба, и восстанавливаются жилые здания, школы и целые районы.

Каждая вновь возведенная стена, каждое общественное место, куда вернулась жизнь, свидетельствует о стремлении жителей Мосула снова стать хозяевами своего города и своей истории. Результатом этого коллективного восстановления, опирающегося на традиционные навыки, солидарность и надежду, становится возрождение всего общества. Там, где разрушители хотели уничтожить прошлое, строители сегодняшнего дня возрождают дух Мосула.

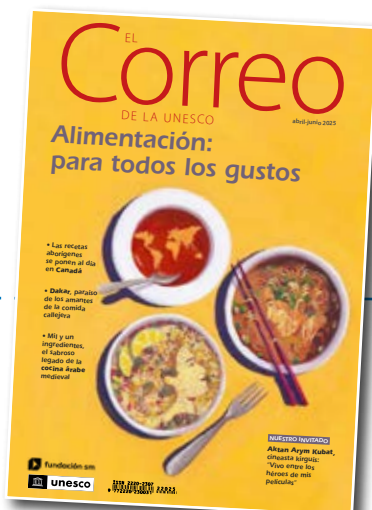
Издательство ЮНЕСКО

32 с., 210 × 297 мм, PDF

Подпишитесь на «Курьер ЮНЕСКО»

Этот номер «Курьера ЮНЕСКО» представлен на шести официальных языках Организации, а также на каталонском и эсперанто.

Подпишитесь на бесплатную электронную версию журнала.

<https://courier.unesco.org/ru/subscribe>

<https://courier.unesco.org/en> • <https://courier.unesco.org/fr> • <https://courier.unesco.org/es>
<https://courier.unesco.org/ar> • <https://courier.unesco.org/ru> • <https://courier.unesco.org/zh>

Indigenous Knowledge, Ancestral Places

Navigating Change in UNESCO Designated Sites

Предания и традиционные знания коренных народов учат нас, что заботиться о Земле — значит заботиться о жизни. Они несут мудрость, накопленную в процессе многовековых наблюдений. Данная публикация позволяет услышать голоса коренных народов от Амазонии до арктических ледников — голоса, настойчиво призывающие нас беречь живую природу, которая объединяет нас всех.